

Александр Вампилов
Утиная охота

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зилов
Кузаков
Саяпин
Кушак
Галина
Ирина
Вера
Валерия
Официант
Мальчик

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Городская квартира в новом типовом доме. Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Одно окно. Мебель обыкновенная. На подоконнике большой плюшевый кот с бантом на шее. Беспорядок.

На переднем плане тахта, на которой спит Зилов. У изголовья столик с телефоном.

В окно видны последний этаж и крыша типового дома, стоящего напротив. Над крышей узкая полоска серого неба. День дождливый.

Раздается телефонный звонок. Зилов просыпается не сразу и не без труда. Проснувшись, он пропускает два-три звонка, потом высвобождает руку из-под одеяла и нехотя берет трубку.

ЗИЛОВ. Да?..

Маленькая пауза. На его лице появляется гримаса недоумения. Можно понять, что на том конце провода кто-то бросил трубку.

Странно... (Бросает трубку, поворачивается на другой бок, но тут же ложится на спину, а через мгновение сбрасывает с себя одеяло. С некоторым удивлением обнаруживает, что он спал в носках. Садится на постели, прикладывает ладонь ко лбу. Весьма бережно трогает свою челюсть. При этом болезненно морщится. Некоторое время сидит, глядя в одну точку, - вспоминает. Оборачивается, быстро идет к окну, открывает его. С досадой махнул рукой. Можно понять, что он чрезвычайно недоволен тем, что идет дождь.)

Зилову около тридцати лет, он довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре у него сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда. Идет на кухню, возвращается с бутылкой и стаканом. Стоя у окна, пьет пиво. С бутылкой в руках начинает

физзарядку, делает несколько движений, но тут же прекращает это неподходящее его состоянию занятие. Звонит телефон. Он подходит к телефону, снимает трубку.

ЗИЛОВ. Ну?... Вы будете разговаривать?..

Тот же фокус: кто-то положил трубку.

Шуточки... (Бросает трубку, допивает пиво. Поднимает трубку, набирает номер, слушает.) Идиоты... (Нажимает на рычаг, снова набирает номер. Говорит монотонно, подражая голосу из бюро погоды.) В течение суток ожидается переменная облачность, ветер слабый до умеренного, температура плюс шестнадцать градусов. (Своим голосом.) Ты понял? Это называется переменная облачность – льет как из ведра... Привет, Дима... Поздравляю, старик, ты оказался прав... Да вот насчет дождя, черт бы его подрал! Целый год ждали и дождались!.. (С недоумением.) Кто разговаривает?.. Зилов... Ну конечно. Ты что, меня не узнал?.. Умер?.. Кто умер?.. Я?!.. Да вроде бы нет... Живой вроде бы... Да?... (Смеется.) Нет, нет, живой. Этого еще только не хватало – чтоб я умер перед самой охотой! Что?! Не поеду – я?! С чего ты это взял?.. Что я, с ума сошел? Подожди, может, это ты со мной не хочешь?.. Тогда в чем дело?.. Ну вот еще, нашел чем шутить... Голова-то, да (держится за голову), естественно... Но, слава богу, пока цела... Вчера-то? (Со вздохом.) Да вот вспоминаю... Нет, всего я не помню, но... (Вздых.) Скандал – да, скандал помню... Зачем устроил? Да вот и сам думаю – зачем? Думаю, не могу понять – черт знает зачем!.. (Слушает, с досадой.) Не говори... Помню... Помню... Нет, конца не помню. А что, Дима, что-нибудь случилось?.. Честное слово, не помню... Милиции не было?.. Свои? Ну, слава богу... Обиделись?.. Да?... Что они, шуток не понимают?.. Ну и черт с ними. Переживут, верно?.. И я так думаю... Ну ладно. Как же мы теперь? Когда выезжаем?.. Ждать? А когда он начался?.. Еще вчера? Что ты говоришь!.. Не помню – нет!.. (Ощупывает челюсть.) Да! Слушай, а драки вчера не было?.. Нет?... Странно... Да, кто-то врезал. Разок... Да, по морде... Думаю, что кулаком. Интересно кто, ты не видел?.. Ну не важно... Да нет, ничего страшного. Удар вполне культурный...

Стук в дверь.

Дима! А что, если он зарядил на неделю?.. Да нет, я не волнуюсь... Ну ясно... Сижу дома. В полной готовности. Жду звонка... Жду... (Положил трубку.)

Стук в дверь.

Войдите.

В дверях появляется венок. Это большой, дешевый, с крупными бумажными цветами и длинной черной лентой сосновый венок. Вслед за ним появляется несущий его мальчик лет двенадцати. Он всерьез озабочен исполнением возложенной на него миссии.

(Весело.) Привет!

МАЛЬЧИК. Здравствуйте. Скажите, вы Зилов?

ЗИЛОВ. Ну я.

МАЛЬЧИК (поставил венок у стены). Вам.

ЗИЛОВ. Мне?... Зачем?

Мальчик молчит.

Слушай, парень. Ты что-то путаешь...

МАЛЬЧИК. Вы - Зилов?

ЗИЛОВ. Ну и что?..

МАЛЬЧИК. Значит, вам.

ЗИЛОВ (не сразу). Кто тебя послал?.. А ну, сядь сюда.

МАЛЬЧИК. Мне надо идти.

ЗИЛОВ. Садись.

Мальчик садится.

(Разглядывает венок, поднимает его, расправляет черную ленту, надпись на ней читает вслух.) "Незабвенному безвременно сторевшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей"... (Молчит. Потом смеется, но недолго и без особого веселья.) Ты понял, в чем дело?.. Зилов Виктор Александрович - это я и есть... И видишь, жив-здоров... Как тебе это нравится?

Мальчик молчит.

Где они? Внизу?

МАЛЬЧИК. Нет, они ушли.

ЗИЛОВ (не сразу). Пошутили и ушли...

МАЛЬЧИК. Я пойду.

ЗИЛОВ. Проваливай... Нет, подожди. Скажи... Тебе такие шутки нравятся?.. Остроумно это или нет?

Мальчик молчит.

Нет, ты скажи, послать товарищу такую штуку на похмелье да еще в такую погоду, разве это не свинство?.. Друзья так не поступают, как ты думаешь?

МАЛЬЧИК. Я не знаю. Меня попросили, я принес...

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ты тоже хорош. Живым людям венки разносишь, а ведь наверняка пионер. Я бы в твоём возрасте за такое дело не взялся бы.

МАЛЬЧИК. Я не знал, что вы живой.

ЗИЛОВ. А если бы знал, не понес бы?

МАЛЬЧИК. Нет.

ЗИЛОВ. Спасибо и на этом.

Маленькая пауза.

МАЛЬЧИК. Я пойду.

ЗИЛОВ. Подожди, а что они тебе сказали?

МАЛЬЧИК. Сказали, пятый этаж, двадцатая квартира... Сказали, постучать, спросить Зилова и отдать. Вот и все.

ЗИЛОВ. Видишь, как просто. А сколько смеху... (Вешает венок себе на шею.) Разве не смешно? (Подходит к зеркалу, картинно причёсывается.) Смешно или нет?.. Почему ты не смеешься?.. Наверно, у тебя нет чувства юмора. (Оборачивается к мальчику, поднимает себе, как спортсмену-победителю, правую руку.) Витя Зилов! Эс-Эс-Эс-Эр. Первое место... А за что?.. (Опускает руку.) Не смешно?.. Что-то не очень, верно? (Бросает венок, садится на постель так, что его лицо обращено к окну.) А может, и в самом деле мы с тобой перестали понимать шутки?

Пауза.

Тебе надо идти?

МАЛЬЧИК. Да... надо уроки готовить...

ЗИЛОВ. Да... Уроки дело серьезное... А как тебя зовут?

МАЛЬЧИК (не сразу). Витя.

ЗИЛОВ. Да? Оказывается, ты тоже Витя... А тебе не кажется это странным?

МАЛЬЧИК. Я не знаю.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ну ладно, Витька, иди, занимайся. Заходи как-нибудь... Зайдешь?

МАЛЬЧИК. Хорошо.

ЗИЛОВ. Ну иди.

Мальчик уходит. Маленькая пауза.

Так... Значит, пошутили и разошлись...

Зилов сидит на своей тахте. Взгляд его устремлен на середину комнаты.

Звучит траурная музыка, звуки ее постепенно нарастают. Свет медленно гаснет, и так же медленно зажигаются два прожектора. Одним из них, светящим вполсилы, из темноты выхвачен сидящий на постели Зилов. Другой прожектор, яркий, высвечивает круг посреди сцены. При этом обстановка квартиры Зилова находится в темноте. На площадке, освещенной ярким прожектором, сейчас возникнут лица и разговоры, вызванные воображением Зилова. К моменту их появления траурная музыка странным образом преобразуется в бодрую, легкомысленную. Это та же мелодия, но исполняемая в другом размере и ритме. Негромко она звучит в продолжение всей сцены. Поведение лиц, их разговоры в этой сцене должны выглядеть пародийно, шутовски, но не без мрачной иронии.

Появляются Саяпин и Кузаков.

САЯПИН. Да нет, что ты. Не может этого быть.

КУЗАКОВ. Факт.

САЯПИН. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что, его не знаешь?

КУЗАКОВ. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

САЯПИН. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в "Незабудке".

Кузаков и Саяпин исчезают. Появляются Вера, Валерия, потом Кушак.

ВАЛЕРИЯ. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!

ВЕРА. Такого я от него не ожидала. Он был как алик из аликов.

КУШАК. Какое несчастье! Я бы никогда не поверил, но, знаете ли, последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но должен вам сказать, что он вел себя весьма... мм... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Вера, Валерия и Кушак исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

ГАЛИНА. Я не верю, не верю, не верю... Зачем он так сделал?

ИРИНА. Зачем?

ГАЛИНА (Ирине). Скажи, он тебя любил?

ИРИНА. Я не знаю...

ГАЛИНА. Мы прожили с ним шесть лет, но я его так и не поняла. (Ирине.) Мы будем с тобой дружить.

Будем? ИРИНА. Да...

Обнимаются и плачут.

ГАЛИНА. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

ИРИНА (сквозь слезы). Хорошо...

Галина исчезает. Появляются Кушак и официант.

КУШАК (Ирине). Очень, очень приятно...

ОФИЦИАНТ. Девушка, в таком состоянии одной вам быть нельзя.

КУШАК. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

ОФИЦИАНТ. В шесть часов мы ждем вас в "Незабудке", договорились?

ИРИНА (сквозь слезы). Хорошо...

Ирина, Кушак и официант исчезают. Появляется Кузаков.

КУЗАКОВ. Кто знает... Если разобраться, жизнь, в сущности, проиграна...
(Исчезает.)

Появляется официант с подносом.

ОФИЦИАНТ. Итак, товарищи, скинемся. (Ухмыляется.) Нет, вы меня не так поняли. Скинемся на венок.

Бросая монеты на поднос, последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Вера, Кушак и Ирина. Бодрая музыка внезапно превращается в траурную. Проекторы гаснут, музыка обрывается, в темноте слышен звон монет. Затем освещается вся сцена. Зилов сидит на тахте. Взгляд его по-прежнему устремлен на середину комнаты. Поднимается. Идет на кухню, возвращается оттуда с бутылкой. Некоторое время стоит перед окном, насвистывает мелодию пригрезившейся ему траурной музыки. С бутылкой и стаканом устраивается на подоконнике. Вертит в руках плюшевого кота, разглядывает его долго и внимательно, будто видит его впервые. Поднимается, подходит к телефону, набирает номер.

ЗИЛОВ. Магазин?... Веру пригласите к телефону... Кто вызывает?... Скажите, Зилов... Да, Зилов... (Ждет.) Занята?... Понятно. (Бросает трубку, возвращается к подоконнику, пьет пиво. Задумчив.)

Свет на сцене гаснет, передвигается круг, и сцена освещается. Перед нами новая декорация. Начинается его первое воспоминание. Уголок кафе "Незабудка". На виду одно небольшое окно. Два-три столика. Видна дверь на улицу. Зилов и Саяпин усаживаются за один из столиков.

Саяпин одного возраста с Зиловым, но уже лысеет и полноват. Вид у него весьма простодушный. Он любит посмеяться. Часто смеется некстати, иногда, даже себе во вред, не может удержаться от смеха.

САЯПИН (громко). Дима! Привет!.. Обрати внимание.

Появляется официант. Это ровесник Зилова и Саяпина, высокий, спортивного вида парень. Он всегда в ровном деловом настроении, бодр, уверен в себе и держится с преувеличенным достоинством, что, когда он занят своей работой, выглядит несколько смешным.

ОФИЦИАНТ (подходит). Привет, ребята.

САЯПИН. Привет, Дима.

ЗИЛОВ. Как ты, старина?

ОФИЦИАНТ. Спасибо, нормально. А ты?

ЗИЛОВ. Неплохо.

ОФИЦИАНТ. Уже собираешься, а?

ЗИЛОВ. Уже собрался.

ОФИЦИАНТ (слегка подсмеиваясь). Уже собрался?... Молодец.

ЗИЛОВ (с отчаянием). Еще целых полтора месяца! Подумать только...

ОФИЦИАНТ (усмехнулся). Доживешь?

ЗИЛОВ. Не знаю, Дима. Как дожить – не представляю.

ОФИЦИАНТ. А ты жди спокойно. Если хочешь, чтобы из тебя вышел охотник, – не волнуйся. Главное – не волноваться.

САЯПИН. Слушайте! До вашей охоты еще полтора месяца, а до конца перерыва всего тридцать пять минут. (Зилову.) Мы зачем сюда пришли, забыл?

ЗИЛОВ. Да, Дима, у нас полчаса. Надо выпить и закусить. Управимся?

ОФИЦИАНТ. Попробуем.

ЗИЛОВ. Стало быть, так: три салата, три шашлыка и выпить... (Саяпину.) Что он пьет?

САЯПИН. По-моему, публично он вообще не употребляет.

ЗИЛОВ. А винишко?

САЯПИН. Смотри, обеденный перерыв, насчет этого он – сам знаешь...

ЗИЛОВ (официанту). Мы ждем шефа.

ОФИЦИАНТ. Ясно.

ЗИЛОВ. Я думаю, он глушит водку. По ночам.

САЯПИН. И правильно, между прочим, делает. Умеет человек. Все умеет.

ОФИЦИАНТ. Есть свежее пиво.

ЗИЛОВ. Пиво не надо. Бутылку вина. Две бутылки. Гуляю.

САЯПИН (официанту). Поздравь его. Получил квартиру.

ОФИЦИАНТ. Серьезно?

ЗИЛОВ. Сам не верю.

ОФИЦИАНТ. А где?

ЗИЛОВ. У моста.

ОФИЦИАНТ. Точно? Значит, будем соседями?

ЗИЛОВ. Маяковского, тридцать семь, квартира двадцать.

ОФИЦИАНТ. Ну так отлично. Поздравляю, старичок. Молодец.

ЗИЛОВ. Новоселье в восемь ноль-ноль. Сегодня. Я тебя жду.

ОФИЦИАНТ. Спасибо, Витя, но я не могу. Сегодня я работаю до одиннадцати.

ЗИЛОВ. Подменись.

ОФИЦИАНТ. Бесполезно. У нас все в отпуске.

ЗИЛОВ. Заболей.

ОФИЦИАНТ. Нет, старичок, так я не делаю. Извини.

ЗИЛОВ. Жаль.

ОФИЦИАНТ. Извини, но сегодня – никак. Ничего не выйдет... (Пишет.) Два вина, три салата, три раза шашлык... (Зилову.) Но учти, с тебя полбанки.

ЗИЛОВ. Какой разговор.

Официант уходит.

САЯПИН (об официанте). Смотри, какой стал. А в школе робкий был парнишка. Кто бы мог подумать, что из него получится официант.

ЗИЛОВ. Э, видел бы ты его с ружьем. Зверь.

САЯПИН. Скажи-ка...

ЗИЛОВ. Гигант. Полсотни метров влет – глухо. Что ты! Мне бы так.

САЯПИН. Слушай, а шеф будет на новоселье?

ЗИЛОВ. Да. И он за вами заедет.

САЯПИН. Слушай, а что ему взбрело с нами обедать?

ЗИЛОВ. А где ему обедать?

САЯПИН. У него же дом рядом. Опять же без жены он, сам знаешь, ни шагу.

ЗИЛОВ. А он жену вчера на юг отправил.

САЯПИН. Вот оно что. То-то загулял мужик... Нет, что ни говори, он человек серьезный... Ну вот квартиры. Обещал – делает. Ты получил, и я получу. Говорят, у него там (показывает) рука. Это верно?

ЗИЛОВ (кого-то увидел). Стоп! Сядь сюда... (Прячется.) Так! Сюда!.. Сюда! (Двигает Саяпина.)

САЯПИН (оглядывается). В чем дело?... Да это Верочка. Твоя любовь, если я не ошибаюсь. "Твоя любовь – не струйка дыма..."

ЗИЛОВ. Сиди так. (Прячется.) Сегодня нам лучше не встречаться. И вообще она мне надоела.

САЯПИН. Витя, бесполезно. Она тебя заметила.

ЗИЛОВ (садится на свое место). Черт! Ну и порядки в этих магазинах. Вечно она шатается в рабочее время... (Машет рукой.) Привет.

Появляется Вера. Ей около двадцати пяти. Она явно привлекательна, несколько грубоватая, живая, всегда "в форме". Сейчас она в костюме продавца промтоварного магазина. А вообще она одевается красиво и носит неизменно роскошную прическу.

ВЕРА. Привет, алики! Давно я вас не видела. (Усаживается.)

Официант приносит вино и салаты.

Так вы меня ждали?... Чудненько.

ОФИЦИАНТ (Вере). Привет, малютка.

ВЕРА. Здравствуй, алик.

ОФИЦИАНТ (Зилкову). Еще раз шашлык, если я правильно понимаю?

ЗИЛОВ. Да, будь другом.

Официант уходит.

ВЕРА (Зилкову). Веселишься? Что, получил квартиру?

ЗИЛОВ. Ну получил.

ВЕРА. Очень за тебя рада. А где ты пропадал?

ЗИЛОВ. Дома, Верочка. Дома и на работе.

ВЕРА. А если я соскучилась. Нельзя же пропадать целыми неделями.

ЗИЛОВ. У меня срочные дела. Дела, дела. Днями и ночами.

САЯПИН. У нас вся контора в отпуске. Вдвоем пластаемся.

ЗИЛОВ. Да. Горим трудовой красотой.

ВЕРА. Смотри, алик, я найду себе другого.

ЗИЛОВ. Сама найдешь или тебе помочь?

ВЕРА. Спасибо, сама не маленькая.

САЯПИН. Слушай, что это ты всех так называешь?

ВЕРА. Как, алик?

САЯПИН. Да вот аликами. Все у тебя алики. Это как понимать? Алкоголики, что ли?

ЗИЛОВ. Да она сама не знает.

САЯПИН. Может, это твоя первая любовь – Алик?

ВЕРА. Угадал. Первая – алик. И вторая алик. И третья. Все алики.

ЗИЛОВ (Саяпину). Понял что-нибудь?

САЯПИН (кого-то увидел). Идет. (Вере.) Наше начальство. Не советую вам афишировать свои отношения. Очень строгий товарищ. (Поднялся.)

ЗИЛОВ (подхватил). Да, при нем полегче.

ВЕРА. Ладно, ладно. Поняла.

САЯПИН. Вы с ним друзья и не больше. Ясно?..

ВЕРА. Ясно, алик. Мы с ним одноклассники.

Саяпин уходит.

Увидимся вечером?

ЗИЛОВ. Сегодня? Нет, Верочка, сегодня не выйдет.

ВЕРА. Почему?... Скажи откровенно.

ЗИЛОВ. Ну пожалуйста. У меня сегодня новоселье.

ВЕРА. Новоселье... А почему бы тебе меня не пригласить?

ЗИЛОВ. Тебя?... Я бы с удовольствием, но жена, я думаю, будет против.

ВЕРА. Почему? Ты встречаешь одноклассницу, приглашаешь в гости, что тут особенного?

ЗИЛОВ. Думаешь, жена у меня дура.

ВЕРА. А что, умная?... Так познакомь меня с ней.

ЗИЛОВ. Это зачем?

ВЕРА. Хочу ума-разума набраться. Что, нельзя?

ЗИЛОВ. Этого только не хватало. Не говори глупостей, завтра увидимся. Все.

Появляются Саяпин и Кушак.

Кушак – мужчина солидный, лет около пятидесяти. В своем учреждении, на работе он лицо довольно внушительное: строг, решителен и деловит. Вне учреждения весьма неуверен в себе, нерешителен и суетлив. Будучи в гостях, постоянно выглядывает в окно, как, впрочем, почти все владельцы автомобилей.

Сюда, Вадим Андреич. Садитесь.

КУШАК. Добрый день.

ВЕРА. Здравствуйте,

ЗИЛОВ. Ее зовут Вера.

КУШАК. Очень приятно... Очень.

Официант приносит шашлыки и удаляется.

ЗИЛОВ (взял в руки бутылку). Под шашлычки. Не возражаете?

КУШАК. Мм... Оно конечно – обеденный перерыв. (Вере.) У нас, знаете ли, насчет этого принципиально...

ВЕРА. Ну ничего. В виде исключения – не повредит.

КУШАК. Вы думаете? Ну что ж, в виде исключения – почему же. И потом, это ведь не водка. (Озирается.)

САЯПИН. Вадим Андреич, и причина крупная. Человек квартиру получил. Шутка ли.

КУШАК. Да, и причина серьезная.

ЗИЛОВ (наливает всем вина). Считайте, Вадим Андреич, что это небольшая разминка. Перед вечером. Не забыли? Ждем вас в восемь, как договорились.

КУШАК. Не знаю, право, идти ли мне. У меня, видите ли, и настроение неважное, и жена у меня отсутствует... мм... в настоящее время.

ЗИЛОВ. Вадим Андреич, вы же обещали.

ВЕРА. А где, если не секрет, жена ваша?

КУШАК. Она сейчас, видите ли, в Сухуми. Отдыхает.

ЗИЛОВ. Она отдыхает, а вам что, нельзя?

КУШАК. Действительно... но с другой стороны: она там одна, а я в гости, видите ли, веселиться... Ведь это... мм... незтично вроде бы. Как вы думаете?

ВЕРА. Вы хороший муж. Прямо – музейная редкость. Такому мужу куда угодно разрешается. В любую компанию.

ЗИЛОВ. Она права. Решено, вы приедете.

КУШАК (Вере). Значит, вы советуете пойти...

Вера (многозначительно). Обязательно. Другой на вашем месте и сомневаться бы не стал. Чепуха какая.

КУШАК. Нет, нет, вы не подумайте, я далеко не ханжа, но... словом... Словом, я согласен. (Собрался с духом, погрозил Вере пальцем.) Смотрите, выходит, что вы меня... мм... совратили. (Озирается.)

Вера (интригуяюще). Ну, до этого еще далеко, а было бы интересно... Было бы ничего...

КУШАК (туповато). Вы так думаете?

ВЕРА. Да. Я так думаю. Верные мужья – моя слабость.

ЗИЛОВ. А? Вадим Андреич! Берегитесь.

Вера (Кушаку). Выпейте. И знаете что? Я буду называть вас аликом. Не возражаете?..

КУШАК. Аликом?... Но почему Аликом?

ВЕРА. Вам не нравится?

КУШАК. Я не знаю, право...

ВЕРА. Ну пожалуйста...

КУШАК. Алик... Странно... Но для вас... Если вам нравится...

Вера Давно бы так. (Дотронулась пальцем до его носа.) Алик.

Пауза. Саяпин незаметно для Кушака беззвучно смеется. Зилов с любопытством наблюдает за Верой и Кушаком. Кушак озирается.

КУШАК. А знаете, здесь неплохо готовят. Я, признаться, давно здесь не бывал...

ВЕРА. А вы заглядывайте. По вечерам здесь бывает музыка.

КУШАК. Что, и сегодня будет?

ВЕРА. Что будет?

КУШАК. Музыка...

ВЕРА. Обязательно. Но ведь сегодня вы идете на новоселье.

КУШАК. А вы? Извините, разве вы не идете?

ВЕРА. А меня туда не приглашают.

КУШАК. Разве?..

ВЕРА. Нет, все правильно. На новоселье обычно собираются друзья, а мы с Виктором – так... Учились когда-то в одной школе, всего-то. Случайно встретились.

КУШАК. Вот как?..

ВЕРА. Поэтому какое же приглашение. Я и не напрашиваюсь.

КУШАК. Мм...

Саяпин толкает Зилова в бок. Небольшая пауза.

ЗИЛОВ (Вере). Что ты выдумываешь? Я просто не успел тебя пригласить. Милости прошу.

ВЕРА. Спасибо. Только, пожалуйста, не думайте, что я напросилась.

КУШАК. Что вы! Кто так думает?

САЯПИН. Никто.

ЗИЛОВ. Да. Всем будет очень приятно. Очень весело. Короче, тебя там только и не хватало. Запиши адрес.

Свет гаснет, круг в темноте поворачивается, и снова зажигается свет.

Продолжается первое воспоминание Зилова. Квартира Зилова. Зилов и Галина ждут гостей. Стол, вокруг которого хлопочет Галина, один стул, железная кровать, чемодан – вот и вся обстановка.

Галине двадцать шесть. В ее облике важна хрупкость, а в ее поведении – изящество, которое различимо не сразу и ни в коем случае не выказывается ею нарочно. Это качество, несомненно, процветающее у нее в юности, в настоящее время сильно заглушено работой, жизнью с легкомысленным мужем, бременем несбывшихся надежд. На ее лице почти постоянно выражение озабоченности и сосредоточенности (она учительница, а у учителей с тетрадями это нередко). Сейчас она в темном платье, поверх которого надет фартук, на ногах – домашние туфли.

ЗИЛОВ (у стола). Жратва, я тебе скажу, нешуточная. Никто из них не заслужил такой жратвы. Кроме начальства.

ГАЛИНА. Все ничего. Но на что мы их усадим?

ЗИЛОВ. Женщин на койку, а я сяду на стул, остальные – на пол.

ГАЛИНА. А начальство?

ЗИЛОВ. На пол! Другой раз будет давать квартиру с мебелью.

ГАЛИНА. Позор. Трое на кровати, стол, чемодан – пять мест. А будет? Раз, два, три... шесть человек.

ЗИЛОВ. Семь.

ГАЛИНА. Семь? Почему?... Мы, Саяпины, Кузаков и Кушак – все. Кушак, ты говорил, без жены. Итого шесть. Шесть персон.

ЗИЛОВ. Будет еще одна персона.

ГАЛИНА. Вот как? А кто? Неужели этот твой ужасный Дима?

ЗИЛОВ. Нет, сегодня он работает. А почему он ужасный?

ГАЛИНА. Не знаю, но он ужасный. Один взгляд чего стоит. Я его боюсь.

ЗИЛОВ. Ерунда. Нормальный парень.

ГАЛИНА. Так кто же все-таки седьмой – интересно.

ЗИЛОВ. Одна милая женщина.

ГАЛИНА. Да?

ЗИЛОВ. Разве я тебе о ней не говорил?

ГАЛИНА. Представь – нет. Сюрприз.

ЗИЛОВ. Совсем забыл! Ее зовут Вера. Она, насколько я знаю, ничего себе, интересная... В общем, Кушак от нее в восторге.

ГАЛИНА. Понятно. В первый же вечер из нашей квартиры ты устраиваешь...

ЗИЛОВ. Ну что ты. У него чистая любовь.

ГАЛИНА. Чистая любовь, а жена будет сидеть дома?

ЗИЛОВ. Его жена старая ведьма. И между прочим, он просил меня поговорить с тобой. Я забыл.

ГАЛИНА. О чем?

ЗИЛОВ. Чтобы ты разрешила им здесь встретиться.

ГАЛИНА. А если я говорю – нет?

ЗИЛОВ. Поздно.

ГАЛИНА. Я не хочу, чтобы у нас, в нашей квартире...

ЗИЛОВ. Что с ней сделается, с квартирой, если бедняга Кушак, – между прочим, эту самую квартиру, ты знаешь, выбил нам он, а не кто-нибудь, – что с ней сделается, если он отдохнет здесь часок-другой, помечтает, скажет милой женщине пару глупостей, что от этого – потолок обвалится?

ГАЛИНА. Мне это не нравится.

ЗИЛОВ. Да нет, дело, конечно, не в квартире, надеюсь, ты так не думаешь. Просто я ему посочувствовал. И ты посочувствуй человеку, нельзя же быть такой бессердечной.

ГАЛИНА (готовит на столе еще один прибор). Да уж для друзей ты готов на все.

ЗИЛОВ (обнимает ее). Перестань. Дай лучше я тебе помогу.

ГАЛИНА. У меня все готово.

ЗИЛОВ. Отлично. Предлагаю выпить.

ГАЛИНА. Вдвоем?

ЗИЛОВ. По одной.

ГАЛИНА. Нет, давай как полагается. Дождемся гостей.

ЗИЛОВ (выбирает бутылку). Лучше, я думаю, водки. Для начала. (Наливает.)

ГАЛИНА. Нехорошо. Придут гости, а мы с тобой косые.

ЗИЛОВ. Велика беда.

ГАЛИНА. Не напивайся сегодня, слышишь.

ЗИЛОВ. Ладно, ладно.

ГАЛИНА. Ну что ж, за новоселье?

ЗИЛОВ. Давай.

ГАЛИНА. Вчера, когда переезжали, сажусь в машину и думаю: ну все. Привет вам, тети Моти и дяди Пети. Прощай, предместье, мы едем на Бродвей!

ЗИЛОВ. Салют.

Они выпивают.

ГАЛИНА. Мы здесь заживем дружно, верно?

ЗИЛОВ. Конечно.

ГАЛИНА. Как в самом начале. По вечерам будем читать, разговаривать... Будем?

ЗИЛОВ. Обязательно.

ГАЛИНА. Хуже всего, когда тебя нет дома и не знаешь, где ты.

ЗИЛОВ. А мы здесь устроим телефон.

ГАЛИНА. Не люблю телефоны. Когда ты говоришь со мной по телефону, мне кажется, что ты врешь.

ЗИЛОВ. Напрасно. Напрасно ты не доверяешь технике. Ей как-никак принадлежит будущее.

Пауза. Галина подошла к окну.

ГАЛИНА (глядя в окно). Знаешь, сегодня я получила письмо. Совсем неожиданно. И, думаешь, от кого?

ЗИЛОВ. Ну? (Наливает себе рюмку.) От кого же?

ГАЛИНА. Представь себе, от друга детства. И как только он обо мне вспомнил – удивительно.

Зилов выпивает.

Наши родители дружили, а мы с ним были жених и невеста. А разъехались, когда нам было по двенадцать лет. (Смеется.) Он был очень смешной. Когда мы прощались, он заплакал, а потом сказал, и, знаешь, совсем серьезно: "Галка, укуси меня на прощанье".

ЗИЛОВ. Ну и что? (Наливает.) Укусила ты его?

ГАЛИНА. Да. За палец.

ЗИЛОВ. Забавно. (Выпивает.)

ГАЛИНА. Пишет, что у него не удалась семейная жизнь, намерен век прожить холостяком.

ЗИЛОВ. Что ж. Неплохая мысль.

ГАЛИНА. Кто-то приехал. По-моему, к нам. По-моему, они. Ну, конечно. Саяпин, его Лерочка преподобная, а третий?

ЗИЛОВ (подходит к окну). Шеф. Его машина.

ГАЛИНА. А Кузаков?

ЗИЛОВ. Придет, куда он денется.

ГАЛИНА. А милая женщина?

ЗИЛОВ. Все в порядке. Она будет позже. (Выходит в прихожую.)

Галина надела хорошие туфли вместо домашних, сняла фартук, но подумала и надела его снова.

ЗИЛОВ (в прихожей). Прошу.

Входят Кушак, Саяпин и Валерия. Валерии около двадцати пяти. В глаза бросается ее энергичность. Ее внешней привлекательности несколько противоречит резкая, почти мужская инициатива. Волосы у нее крашеные, коротко подстриженные. Одевается модно.

КУШАК (преподносит Галине цветы). С новосельем. Сердечно поздравляю.

ВАЛЕРИЯ (идет по комнате). Ну-ну, дайте, дайте взглянуть.

САЯПИН. Годится, годится. Подходящая изба.

КУШАК. Славная квартирка, славная. Желаю, желаю. От души.

Валерия проходит на кухню.

ГОЛОС ВАЛЕРИИ. Холодная? Горячая?... Красота! Газ? Красота!...

ВАЛЕРИЯ (появляется). Так, так, так... А здесь? Восемнадцать квадратов?

ГАЛИНА. Да... кажется.

ВАЛЕРИЯ. Красота!

КУШАК. Квартирка чудесная. (Подошел к окну - взглянул на свою машину.)

Валерия устремляется в другую комнату. Галина проходит за ней.

САЯПИН (с тоской). Нет, что и говорить, изба в порядке. (Проходит в комнату.)

ГОЛОС ВАЛЕРИИ (из комнаты). Балкон?... Юг?... Север?..

КУШАК. Ну что ж, квартира - дело большое. Еще раз поздравляю.

ЗИЛОВ. Еще раз благодарю.

ГОЛОС ВАЛЕРИИ (из комнаты). Красота!

КУШАК. Чудесно, чудесно... И что, все уже в сборе? (Заглядывает в комнату.)

ЗИЛОВ (закрыв дверь в комнату). Ее нет, но скоро появится, будьте уверены. Вы ее заинтриговали.

КУШАК. Ты думаешь?

ЗИЛОВ. Не скромничайте. Она на вас упала.

КУШАК. Виктор! (Озирается.) Как ты выражаешься... И ты хочешь сказать...

ЗИЛОВ. Хочу сказать: не зевайте.

КУШАК. Но послушай, удобно ли мне... Посуди сам, здесь Саяпины, твоя жена. Этично ли это.

ЗИЛОВ. Ерунда. Действуйте смело, не церемоньтесь. Это все делается с ходу. Хватайте быка за рога.

КУШАК. Ай-ай-ай, не знал, не думал, что ты такой легкомысленный. Смотри, Виктор, ты меня... мм... развращаешь.

ЗИЛОВ. Давно хотелось сделать вам что-нибудь приятное.

Появляются Валерия, Саяпин и Галина.

ВАЛЕРИЯ. Мебель! Немедленно - мебель! (Проходит в прихожую.)

КУШАК. Да, мебель необходимо... Но ничего, не все сразу, потихонечку, помаленечку. (Подошел к окну - взглянул на свою машину.)

ГАЛИНА. А пока сидеть придется на кровати.

Из туалета слышится звук спускаемой воды, голос Валерии: "Красота", вслед за тем Валерия появляется.

ВАЛЕРИЯ. Ну поздравляю. Теперь у вас будет нормальная жизнь. (Саяпину.) Толечка, если через полгода мы не въедем в такую квартиру, я от тебя сбегу, я тебе клянусь!

КУШАК. Мм... Через полгода это вопрос... мм... утрясется. Будем надеяться...

ВАЛЕРИЯ (театрально). О, Вадим Андреич! Я готова...

ЗИЛОВ. На что?

ВАЛЕРИЯ. Я готова на вас молиться. Честное слово!

ЗИЛОВ. Молись, дочь моя...

САЯПИН (поспешно). Так. Здесь будет телевизор, здесь диван, рядом холодильник. В холодильнике пиво и прочее. Все для друзей.

Звонок. Зилов выходит в прихожую. Маленькая пауза.

ЗИЛОВ (на пороге). Вадим Андреич! Встречайте.

Кушак направляется в прихожую.

ВАЛЕРИЯ (Зилову). А кто там?

ЗИЛОВ. Знакомая Вадима Андреича. Одна милая женщина.

ВАЛЕРИЯ (удивилась.). Какая знакомая?

ЗИЛОВ. Молодая, интересная. (Выходит в прихожую.)
ВАЛЕРИЯ. Скажите, какой молодец.
ГАЛИНА. Кто молодец?
ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич, конечно. Ему ведь сорок, наверно.
САЯПИН. Сорок шесть.

Появляются Зилов, Вера и Кушак. В руках у Веры большой пакет.

ЗИЛОВ. Прошу.
КУШАК (Вере). Прошу вас.
ЗИЛОВ (всем). Знакомьтесь...
ВЕРА. Меня зовут Вера.
ВАЛЕРИЯ. Валерия.
ВЕРА. Очень приятно.
ЗИЛОВ. Моя жена.
КУШАК. Хозяйка дома.
ГАЛИНА. Галина.
ВЕРА. Очень приятно. Поздравляю вас с новосельем. Вот... (Протягивает
Зилкову большой пакет.)
ВАЛЕРИЯ (Зилкову). Что там? Что?
ЗИЛОВ. Бомба, я думаю.
ВАЛЕРИЯ. Покажи, я умираю от любопытства.

Зилов вынимает из пакета большого плюшевого кота. Саяпин вдруг мяукнул довольно искусно.

(Испуганно.) Ой!

Все рассмеялись.

Напугали, честное слово. (Берет кота в руки, разглядывает его.) Ну и кот!

КУШАК. Усы! Какие усы! А глаза! Как живые. (Вере.) Прелестный подарок.
ВАЛЕРИЯ (передает кота Галине). Очень симпатичный.
ГАЛИНА (Вере). Большое спасибо.
ВЕРА. Представьте, я дала ему имя.
ГАЛИНА. Интересно, какое?
ВЕРА. Я назвала его аликом.
ЗИЛОВ. О, боже мой...
КУШАК (укоризненно). Верочка...
ВЕРА. Если вам нравится, можете его так называть.
ВАЛЕРИЯ. Алик. Чудное имя. (Галине и Зилкову.) Он принесет вам счастье.
ЗИЛОВ. Уже чувствуется.
КУШАК. А теперь наша очередь, не так ли?
ВАЛЕРИЯ. Толечка, волокни.

Саяпин выходит в прихожую, возвращается со свертками, начал было их разворачивать.

Нет, пусть он сначала угадает!

Звонок.

ГАЛИНА. Кузаков. (Выходит в прихожую.)
ЗИЛОВ (Валерии). Что я должен угадать?
ВАЛЕРИЯ. Угадай, что мы тебе подарим?

Входят Кузаков и Галина.

Кузакову около тридцати. Яркой внешностью он не выделяется. Большею частью задумчив, самоуглублен. Говорит мало, умеет слушать других, одет весьма неряшливо. По этим причинам в обществе он обычно в тени, на втором плане. Переносит это обстоятельство с достоинством, но и не без некоторой досады, которую хорошо скрывает.

КУЗАКОВ. Приветствую всех в новом помещении. (Проходит, осматривает стол.) Кажется, не опоздал.

ВАЛЕРИЯ. Нисколько. Дарим подарки.

КУЗАКОВ. Подарки?... (Валерии.) А что ты на меня так смотришь? Думаешь, пришел с пустыми руками? (Зилкову.) Витя! Пойдем, ты мне поможешь.

ЗИЛОВ. Даже так?

КУЗАКОВ. Только так.

ВАЛЕРИЯ. Интересно.

Кузаков и Зилков выходят.

Один он не донесет, подумайте-ка.

КУШАК. Верочка, садитесь, прошу вас.

ВЕРА. Спасибо, алик.

САЯПИН (Валерии, о свертках). Ну что? Развернуть?

Кушак бросается к окну – взглянул на свою машину.

ВАЛЕРИЯ. Нет, нет. Посмотрим сначала, что он там выдумал.

ГАЛИНА. Да будет вам. Давайте лучше к столу.

Стук дверей. Кузаков и Зилков вносят садовую скамейку. Все смеются.

КУЗАКОВ. Ну вот, пожалуйста. Из собственного гарнитура.

ВАЛЕРИЯ. Босяк.

ГАЛИНА. Спасибо, Кузя. Лучше нельзя было придумать.

ЗИЛОВ (усаживается на скамейку). Модерн. (Кузакову.) Садись, бродяга.

ГАЛИНА. Поставьте ее к столу. На нее сядут дамы.

ВАЛЕРИЯ. А вот теперь мы. Минутку внимания! (Зилкову.) Догадайся, что мы тебе подарим.

ЗИЛОВ. Не знаю. Подарите мне остров. Если вам не жалко.

ВАЛЕРИЯ. Нет, серьезно.

ЗИЛОВ. Ну не знаю.

ВАЛЕРИЯ. Вот что ты больше всего любишь?... Ну что?

ЗИЛОВ. Что я люблю... Дай подумать.

ВАЛЕРИЯ. Ну жену, это само собой...

ГАЛИНА. Да нет, давно не любит...

Вера (усмехнулась). Может, любовницу.

Саяпин хохотнул.

КУШАК (удивленно). Верочка...

ВАЛЕРИЯ (Зилкову). Ну? Сообразил?

ЗИЛОВ. Соображаю, не могу сообразить.

ВАЛЕРИЯ. Вот тупица. Ну что же ты любишь – в самом деле!

ГАЛИНА. Он любит друзей больше всего.

ВЕРА. Женщин. Подарите ему женщину.

КУЗАКОВ. Все чепуха. Больше всего на свете Витя любит работу.

Дружный смех.

КУШАК (первые слова – сквозь общий смех). Ну зачем же так?... Деловой

жилки ему не хватает, это верно, но ведь он способный парень, зачем же так шутить?

ВАЛЕРИЯ. Нет, от него ничего не добьешься. Ладно. Ты не знаешь, а мы знаем. Знаем, что ты любишь. (Саяпину.) Толечка, разверни.

Саяпин развернул сверток. В нем оказались предметы охотничьего снаряжения: нож, патронташ и несколько деревянных птиц, какие на утиной охоте используются для подсадки. Все это Саяпин показал присутствующим.

ЗИЛОВ. Ба!..

Все смеются.

САЯПИН (Зилову). Держи.

ЗИЛОВ (принимая подарки). Это - да, это - уважили. Как же я, дурак, не догадался?

ГАЛИНА. Да, тут уж вы ему угодили.

ЗИЛОВ. Да-а. Вы правы. Утиная охота - это вещь. (Одевает патронташ, увешивает себя деревянными утками. В этом наряде он останется до конца картины.)

ВАЛЕРИЯ. В сентябре придем на дичь, учтите.

ГАЛИНА (оживленно). Приходите. Но предупреждаю, дичь будет из магазина.

КУШАК. Ну как же так?

ГАЛИНА. А у него так. Главное - сборы да разговоры.

ЗИЛОВ. Э, не слушайте ее.

ГАЛИНА. Что, неправда? Ну скажи, убил ты что-нибудь хоть раз? Признайся! Ну хотя бы маленькую, ну хоть вот такую (показывает на пальце) птичку?

КУЗАКОВ. Ну что ты ему показываешь? Он в такую (показывает обеими руками) не попадает, а ты что хочешь?

Все смеются.

ЗИЛОВ (он доволен подарками и не обращает внимания на насмешки). Ладно, ладно. Поживем - увидим.

САЯПИН. Витя! Чтоб наверняка - стреляй по этим. (Провел пальцем по деревянным уткам.) Они не улетят.

ЗИЛОВ. Ладно. Что вы в этом смыслите?

ГАЛИНА (хлопнула в ладоши). Внимание. Гостей прошу к столу. Прошу.

Все усаживаются. Кушак подошел к окну - взглянул на свою машину.

ВЕРА (Кушаку). Алик, что ты там все высматриваешь, а? Что ты там оставил?

КУЗАКОВ. Автомобиль. Всего-навсего.

КУШАК (смутился). Нет... то есть да. Именно - автомобиль.

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич, вы не беспокойтесь. Мы тут у окна, нам удобнее. (Саяпину.) Посматривай.

Все уселись, кроме Кузакова.

ВЕРА (Кузакову). А вы? (Подвинулась на скамейке.) Садитесь, алик, не стесняйтесь.

КУЗАКОВ. Спасибо. (Садится.) Но вы ошиблись. Мое имя Николай, а вы называли меня Аликом.

ВЕРА. Ну какая разница.

КУШАК (удивился). Верочка?..

ВАЛЕРИЯ. Совершенно верно. Он похож на кота. (Кузакову.) Не спорь, ты

на него похож. Покажите-ка.

Галина показывает Кузакову плюшевого кота. Все смеются. Копия.

КУЗАКОВ. Никакого сходства. Это провокация.

ЗИЛОВ (Кузакову). Не спорь, старик. Смирись. (Взял в руки бутылку, наливает всем вина.)

КУЗАКОВ. Хорошо. (Вере.) Но позже я потребую у вас объяснения.

ВЕРА. Ладно, объяснимся.

ЗИЛОВ. Итак, друзья... (Взял в руки рюмку.) Поехали?

САЯПИН. Понеслись.

ВАЛЕРИЯ. Стойте! "Понеслись", "поехали"! Что вы, в пивной, что ли. Здесь новоселье, по-моему.

ЗИЛОВ. Так, а что ты предлагаешь?

ВАЛЕРИЯ. Ну есть же какие-то традиции, обычаи... Кто-нибудь знает, наверное...

Молчание. Зилов наливает всем вина.

ВЕРА. Я могу сплясать на столе. Если хотите.

КУШАК. Верочка! (Зилову.) Как она шутит... мм... (Вере) неподражаемо...

КУЗАКОВ. Смутно вспоминаю. За четыре угла пьют четыре раза. По традиции.

ВАЛЕРИЯ (передразнивает Кузакова). "Смутно вспоминаю". Эх вы, обормоты. (Кушаку.) Вадим Андреич, вся надежда на вас.

КУШАК (поднимается). Друзья! Не будем ломать голову. Вы люди молодые...

ВАЛЕРИЯ (удивленно). А вы? Вадим Андреич!

ВЕРА. Да, алик, не прибежняйся, ты еще не так плох.

КУШАК (Вере и Валерии). Благодарю вас, благодарю. Так вот, мы люди молодые, зачем нам дедовские премудрости. Просто. Поздравим наших хозяев с новосельем. Выпьем за новую квартиру.

Возгласы одновременно: "С новосельем!", "Салют!", "Спасибо", "Ну-ну".

ЗИЛОВ. Поехали.

САЯПИН. Понеслись.

Громко звучит та же бодрая музыка. Свет гаснет и через несколько секунд зажигается снова, музыка звучит негромко. Окончание первого воспоминания сопровождается музыкой.

Та же комната. Обстановка того же вечера. Гости прощаются. Зилов и Вера. Вера в плаще.

ВЕРА. Твоя жена мне понравилась. Удивляюсь даже, как тебе удалось на такой жениться.

ЗИЛОВ. Не знаю, Верочка, не знаю. Это было давно, шесть лет назад...

ВЕРА. Представляю, сколько она натерпелась от тебя... Ты алик из аликов.

ЗИЛОВ. Ладно. Позвони мне на работу. Завтра.

ВЕРА. Позвоню... Если будет время.

ЗИЛОВ. Ну как хочешь.

ВЕРА. Этот бодрячок, он, кажется, на что-то надеется?

ЗИЛОВ. Пусть надеется. Жалко, что ли?

ВЕРА. Может, мне с ним пойти? Как? Ты не против?

ЗИЛОВ. Ладно, не болтай. Он свое дело сделал, пусть теперь гуляет.

ВЕРА. А то, может, пойти? Начальство все-таки.

ЗИЛОВ. Послушай. Делай, что хочешь. Ты сама все это затеяла.

Подвыпивший Кушак появляется в прихожей.

КУШАК. Какой вечер! Волшебный, если можно так выразиться... Я благодарю судьбу...

ВЕРА. А вы не судьбу, вы (о Зилове) его поблагодарите.

КУШАК. Разумеется! Спасибо, Виктор, за гостеприимство и... за все.

Галина выходит из кухни.

И вам, Галина Николаевна, большое спасибо. Этот вечер я запомню на всю жизнь.

ВЕРА. Я тоже.

ГАЛИНА. Очень рада. Надеюсь, вы будете у нас бывать. Я буду рада.

ВЕРА (Галине). Счастливо вам. (Зилову и Кузакову.) До свиданья, алики.

КУЗАКОВ. Да свиданья.

Кушак и Вера выходят.

ГАЛИНА. Я вас провожу. (Выходит.)

ЗИЛОВ (Кузакову). Вот и прекрасно. Всем хорошо, все довольны. Приятный вечер.

КУЗАКОВ. Слушай, Вера - кто она такая и откуда?

ЗИЛОВ. Что, понравилась?

КУЗАКОВ. Откровенно говоря, да.

ЗИЛОВ. Ну так займись, в чем же дело.

КУЗАКОВ. Но я не пойму, причем здесь Кушак. Что между ними?

ЗИЛОВ. Между ними? Почти ничего. Одна только его пьяная фантазия.

КУЗАКОВ. И я так думаю.

ЗИЛОВ. Говорю тебе, бедняга зря старается.

КУЗАКОВ. Так, так, значит, все это ее легкомыслие - показное.

ЗИЛОВ. Ты думаешь?

КУЗАКОВ. А ты не видишь? Разве ты таких не встречал?

ЗИЛОВ. Каких?

КУЗАКОВ. Да вот таких, как она. Они напускают на себя черт знает что, а на самом деле...

ЗИЛОВ. Что на самом деле?

КУЗАКОВ. Да, Витя, мне кажется, она совсем не та, за кого себя выдает.

Зилов (похлопал Кузакова по плечу). Старик, ты ошибаешься, как всегда.

Кушак появляется из прихожей.

КУШАК. Виктор!.. Мм... Могу я с тобой поговорить?

КУЗАКОВ. Можете, можете. Я с ним уже наговорился.

(Зилову.) До свиданья, Витя.

ЗИЛОВ. Привет, Коля.

Кузаков уходит.

Так?

КУШАК. Она... мм... я от нее в восторге! Но... каким образом?

ЗИЛОВ (бесцеремонно). Вы что, не знаете?... Обещайте, кляннитесь, угрожайте. Как обычно...

КУШАК. Но... мм... в какой форме?

ЗИЛОВ. Боже мой! Озолочу, женюсь, убью - что вы еще можете ей сказать? Действуйте.

КУШАК (бежит, но возвращается). А ты уверен, что... мм... Не выйдет тут что-нибудь скандальное?

ЗИЛОВ. Вы как маленький, ей-богу.

КУШАК. Нет, пойми меня правильно, я далеко не ханжа, но... Все-таки...

ЗИЛОВ. Будьте мужчиной, и все будет в порядке.

Кушак уходит. Зилов один. Разглядывает подарки. Появляется Галина.

ГАЛИНА. По-моему, я напилась.

ЗИЛОВ. Конечно. Пьяная в лоскуты.

ГАЛИНА. Серьезно? Что же гости подумали?

ЗИЛОВ. А! Они мне надоели.

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Слушай, слушай, что я тебе скажу.

ЗИЛОВ. Ну.

ГАЛИНА. Я хочу ребенка.

ЗИЛОВ. Опять?

ГАЛИНА. Пора нам с тобой, слышишь?

ЗИЛОВ. Ты думаешь?

ГАЛ и НА. Никогда я его так не хотела... А ты? Что ты на это скажешь?

ЗИЛОВ. Я?... Ну если пора, в самом деле, то почему бы...

ГАЛИНА. Нет, ты его не хочешь, я знаю.

ЗИЛОВ. Да нет, с чего ты это взяла? Я не против... Ну чего ты расстроилась? Это же не проблема. Сказано - сделано.

ГАЛИНА. Тебе он не нужен.

Появляется Кушак. Галина уходит в другую комнату.

КУШАК (он сильно раздосадован). Виктор! Виктор...

ЗИЛОВ. Что такое?

КУШАК. Но она... Она исчезла!

ЗИЛОВ. Да?... Кто исчез? Женщина или машина?

Кушак бросается к окну - взглянул на свою машину.

КУШАК. Женщина. Она сбежала... что это значит?... Как это называется?

ЗИЛОВ. Динамо.

КУШАК. Что?

ЗИЛОВ (с раздражением). Динамо. Это называется прокрутить динамо... Она вам провернула динамо. Не понимаете?

КУШАК (неожиданно трезво). Виктор... Ты меня разочаровываешь.

Веселая музыка превращается в траурную.

Затемнение, во время которого возобновляется декорация начала пьесы.

Зилов пьет пиво, сидя на подоконнике. Вдруг поднимается и швыряет плюшевого кота в угол комнаты.

Картина вторая

Комната Зилова.

За окном по-прежнему дождь.

Зилов набирает номер по телефону.

ЗИЛОВ. Скажите, там Кузаков у вас далеко?... Его нет?... Ладно. (Нажимает на рычаг, набирает номер.) Бюро информации? Дайте трубочку Саяпину... Нет?... Не приходил? Ясно. (Бросает трубку.) Работнички... (В задумчивости сидит у телефона.)

Затемнение, во время которого круг снова поворачивается. Сцена освещается. Новая декорация. Воспоминание второе.

Комната в учреждении. Одно окно, два грубых шкафа, четыре стола. За одним из них сидит Саяпин. Появляется Зилов.

ЗИЛОВ. Шеф озверел. (Проходит, усаживается.) Знаешь, что он придумал? Требуется модернизацию, поточный метод, молодое растущее производство. Срочно.

САЯПИН. Это он придумал еще на прошлой неделе... Ты что, не помнишь?

ЗИЛОВ. А есть что-нибудь похожее?

САЯПИН. Похожее?... Есть фарфоровый завод. (Достает из стола.) Но он лежит у нас целый год.

ЗИЛОВ. Дай взглянуть. Так... (Листает.) План реконструкции, поточный метод... То, что надо!

САЯПИН. Но это проекты.

ЗИЛОВ. А чья работа? (Смотрит.) Смирнов. Главный! инженер. Знаю такого. Серьезный товарищ.

САЯПИН. Но проекты нам не нужны. Нам нужны факты.

ЗИЛОВ. Факты? А где мы их сегодня возьмем? А завтра?... Стоп!... Стоп... Стоп... Стоп! Инженер излагает все в настоящем времени.

САЯПИН. Ну и что?

ЗИЛОВ. Как - что? Он излагает так, как будто все уже готово. Понятно?... А сколько сей труд лежит у нас?

САЯПИН. Примерно год.

ЗИЛОВ. Прекрасно. Будем считать, что за год эти чудесные проекты осуществились. Мечта стала явью. Я подписываю. (Расписывается.)

САЯПИН. Гениально, но... рискованно.

ЗИЛОВ. Ерунда. Проскочит. Никто внимания не обратит. Кому это надо?... Подписывай.

САЯПИН. Я бы с удовольствием, но...

ЗИЛОВ. Давай, давай. У нас замечательная работа, но, согласись, она несколько суховата. Немного смелости, творческой фантазии - это нам не повредит.

САЯПИН. И все же придется проверить. Придется позвонить на завод, инженеру...

ЗИЛОВ. Боюсь, что инженер нас разочарует. Старик, будем оптимистами.

САЯПИН. Погорим.

Стук в дверь. Зилов открывает.

ГОЛОС. Почта.

ЗИЛОВ. Давайте, голос. Распишитесь.

Зилов бросает на стол пачку пакетов.

САЯПИН (разбирает почту). Тебе письмо.

ЗИЛОВ. От женщины?

САЯПИН. От Зилова А.Н. (Бросает письмо через стол.) Письмецо от внука получил Федот...

ЗИЛОВ. От папаши. Посмотрим, что старый дурак пишет. (Читает.) Ну-ну... О, боже мой. Опять он умирает. (Отвлекаясь от письма.) Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. Вот послушай. (Читает из письма.) "...на сей раз конец - чуется мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года". Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен. Полежит, полежит, потом, глядишь, поднялся - жив, здоров и водочку принимает. Что ты скажешь?

САЯПИН. Пенсионер?

ЗИЛОВ. Персональный.

САЯПИН. А сколько ему лет?

ЗИЛОВ. Да за семьдесят. То ли семьдесят два, то ли семьдесят пять. Так что-то.

САЯПИН. Старый. И в самом деле может помереть.

ЗИЛОВ. Он? Да нет, папаша у меня еще молодец.

САЯПИН. Все-таки ты взял бы да съездил.

ЗИЛОВ. Когда?

САЯПИН. Ну в отпуск, в сентябре.

ЗИЛОВ. Не могу. Сентябрь – время неприкосновенное: охота.

Маленькая пауза.

САЯПИН. Ну так как же со статьей? Что будем делать?

ЗИЛОВ. По-моему, мы договорились: сдаем. Я подписал.

САЯПИН. Тебе легко, а вот мне... Сейчас, когда стоит вопрос о квартире, сам понимаешь...

ЗИЛОВ. Слушай, бросим жребий – и делу конец. Орел – сдаем, решка – признаемся, что никакой статьи у нас нет.

Саяпин (вздыхнул). Давай...

Стук в дверь.

ЗИЛОВ. Прошу. (Бросает монету.)

Входит Ирина. Монета остается без внимания. Ирине восемнадцать лет. В ее облике ни в коем случае нельзя путать непосредственность с наивностью, душу с простодушием, так же как ее доверчивость нельзя объяснять неосведомленностью и легкомыслием, потому главное в ней – это искренность. Но нельзя забывать и о том, что на наших глазах она делает в жизни свои самые первые самостоятельные шаги.

ИРИНА. Здравствуйте.

ЗИЛОВ. Добрый день.

ИРИНА. Извините, это редакция?

Небольшая пауза.

ЗИЛОВ. А в чем дело, девушка?

ИРИНА. Я хотела напечатать одно объявление...

ЗИЛОВ. Объявление?... Какое объявление?

ИРИНА. Понимаете, я потеряла одного человека, мы должны были встретиться...

ЗИЛОВ. Садитесь, расскажите не торопясь. (Усаживает ее, подмигивает Саяпину.) Думаю, что мы вам поможем.

ИРИНА. Правда?

ЗИЛОВ. Постараемся.

САЯПИН. Он сделает все возможное.

ИРИНА. Правда? Спасибо вам, большое спасибо...

ЗИЛОВ. Пожалуйста. Но в чем дело?

ИРИНА. Понимаете, очень надо найти одного человека. Мы с ним сюда вместе ехали, в одном вагоне. Его Костя зовут, а вот фамилии не знаю...

ЗИЛОВ. Дальше.

ИРИНА. Я его обманула. Но я не виновата, честное слово.

ЗИЛОВ. Что же случилось?

ИРИНА. Понимаете, мы договорились с ним встретиться сегодня в двенадцать часов у Главпочтамта. И надо же: как раз сегодня у нас сочинение.

САЯПИН. Что, вступительное?

ИРИНА. Да, я поступаю в иняз. Если бы я знала, где здесь у вас Главпочтамт, я бы сочинение раньше сдала. В общем, прибежала, а его уже нет...

САЯПИН. И все?

ИРИНА. Так нехорошо получилось.

ЗИЛОВ. Да, неслыханный обман. В нашем городе так не делают. Вы откуда приехали?

ИРИНА. Из Михалевки.

ЗИЛОВ. Это где же такая?

ИРИНА. А это далеко. На севере.

ЗИЛОВ. А зовут вас как?

ИРИНА. Ирина.

САЯПИН. Хорошее имя.

ЗИЛОВ. Ну и что, Ирина? Как же вы дальше будете жить?

ИРИНА. Если вы напечатаете объявление...

ЗИЛОВ. Ну какое объявление...

ИРИНА (живо). Я уже обдумала! Можно так... "Костя! Я опоздала. Жди меня у Главпочтамта в двенадцать часов пятого августа. Я все объясню. Ирина..." Можно так?..

САЯПИН. "Жди меня, и я вернусь, только очень жди".

ИРИНА. Неужели нельзя?.. Он прочтет. Он все газеты читает. На каждой станции газеты покупал. Он и сам стихи пишет.

ЗИЛОВ. Э, так он поэт. Может быть, Константин Симонов?

ИРИНА. Шутите. Симонов старый и живет в Москве.

ЗИЛОВ. Ничего подобного. Раньше жил в Москве, а теперь - здесь.

ИРИНА (удивилась). Правда?

ЗИЛОВ. Ну конечно. Ну ее, говорит, Москву, надоела. Шум, гам, суета, сколько, говорит, можно. Поживу, говорит, я где-нибудь в тишине. Да, да.

ИРИНА. Нет, он не Симонов. Он всего два стихотворения написал, а третье - прямо в вагоне.

ЗИЛОВ. И посвятил его вам, не правда ли?

ИРИНА. Откуда вы знаете?

ЗИЛОВ. Он посвятил вам стихотворение, и вы его за это полюбили. Разве не так?

ИРИНА. Полюбила?.. Нет, что вы...

ЗИЛОВ. А разве вы его не любите?

ИРИНА. Ну конечно нет.

ЗИЛОВ. Тогда зачем вам его искать?

ИРИНА. Чтобы объяснить. А то ведь получится, что его обманула.

ЗИЛОВ (Саяпину). Что ты на это скажешь?

САЯПИН. Люби меня, детка, пока я на воле, люби меня, детка, пока я твой...

Входит Кушак.

КУШАК. Где статья? Чем вы занимаетесь?.. Вы по какому вопросу, девушка?

ЗИЛОВ. Ее зовут Ирина. Она по личному вопросу.

КУШАК. Только не говорите мне, что она ваша одноклассница.

ЗИЛОВ (разглядывая Ирину). Молчу. Если бы даже сказал - никто бы мне не поверил.

САЯПИН. Она ищет друга.

КУШАК. Здесь? Среди вас?

ИРИНА. Нет, я хочу напечатать объявление.

КУШАК. Объявление?.. У нас? С какой стати?

Саяпин беззвучно смеется.

ИРИНА. Но ведь это редакция.

КУШАК. Редакция?... (Грозит Зилову и Саяпину кулаком.) Вы ошибаетесь, девушка. Здесь не редакция.

ИРИНА. Как?

ЗИЛОВ. Все в порядке, редакция рядом.

ИРИНА (Зилову). Тогда зачем вы так?... Я не понимаю.

КУШАК (раздраженно). Что тут непонятного? Вам нужна редакция, а наше учреждение называется ЦБТИ. Центральное бюро технической информации, если угодно...

ИРИНА (поднимаясь). Извините. (Идет к двери.)

КУШАК (проводя ее взглядом, смягчился). Ничего... Очевидно, вас ввело в заблуждение слово "информация". Желаю вам всего хорошего.

ИРИНА (Зилову, в дверях). Зачем же вы так?..

ЗИЛОВ (идет вслед за ней). Не волнуйтесь, Ирина, все будет хорошо. (В дверях Кушаку и Саяпину). Минутку. (Уходит.)

КУШАК. Вы думаете сдавать статью?

САЯПИН. Думаем.

КУШАК. Вижу я, о чем вы думаете. Здесь дом свиданий или учреждение? Сколько вас предупреждать?

САЯПИН. При чем здесь я? Вы же знаете, я к женщинам почти равнодушен.

КУШАК. Безобразие. В конце концов, всему бывает время и место. Предупреждаю в последний раз. И поторопитесь с работой. После обеда я отправляю ее в типографию. (Уходит.)

САЯПИН. Ему - девочки, а мне - выговоры. (Звонит по телефону.) Редакция?... Кузаков?... Да нет, какие к черту шахматы. Зилов у тебя?... Нет? Скотина!... Да нет, не ты... Ну, если хочешь, ты тоже.

Входит Зилов.

ЗИЛОВ. Ну, что ты про нее скажешь?

САЯПИН. Слушай, иди-ка ты с ней вместе знаешь куда?

ЗИЛОВ. Ну-ну? Куда - посоветуй. Я думаю, в кино. Для начала.

САЯПИН. К черту! Он (показывает на дверь кабинета) требует статью. Что будем делать? Так он этого не оставит... Ты имей в виду, он имеет на тебя зуб - за новоселье. Ты что, забыл?

ЗИЛОВ. Плевать. (Надевает плащ.) Такие девочки попадают не часто. Ты что, ничего не понял? Она же святая... Может, я ее всю жизнь любить буду - кто знает. (Идет к двери.)

САЯПИН. Стой! Постой же, черт возьми!

ЗИЛОВ. Ну? Короче. Меня ждет девушка.

САЯПИН. Они требуют статью. Что будем делать?

ЗИЛОВ. Опять статья! Будь она проклята! Спихнуть, и делу конец. Подписывай.

САЯПИН. Я крупно рискую, сам понимаешь.

ЗИЛОВ. Черт подери! В первый раз, что ли? (Вспомнил.) Постой! А жребий! Монета! Где она?

Оба ищут брошенную двадцать минут назад монету.

Как у нас было?

САЯПИН. Орел - сдаем, решка - нет... Вот она. Решка. Смотри.

ЗИЛОВ. Не повезло... Подожди, по-моему, ты перепутал. Решка - сдаем, орел - нет... Слушай. Давай-ка снова! Решка - сдаем, орел - нет. (Бросает монету.)

САЯПИН. Орел.

Зилов (с досадой). Черт возьми!.. Ну ничего не поделаешь - судьба. Займемся этой дурацкой статьей завтра. (Идет к двери.)

САЯПИН (останавливает его). Тогда идем к нему вдвоем. Один я отдуваться

не намерен.

ЗИЛОВ. Вот еще кошмар... Слушай! Бог троицу любит. Бросим третий раз. Решка – признаемся, орел – нет. (Бросает монету.)

САЯПИН. Орел.

Зилов (с облегчением). Слава богу, хоть одно дело сделали. (Идет к двери.)

Телефонный звонок.

САЯПИН (в телефон). Да... Сейчас... (Зилову.) Стой! Тебя.

ЗИЛОВ. Кто?

САЯПИН. По-моему, жена.

ЗИЛОВ. Меня нет.

САЯПИН. Я уже сказал...

ЗИЛОВ. Идиот! (Берет трубку.) Что такое?... В чем дело?... (Закрыв трубку рукой.) Будь другом, займи ее на минутку. Она ждет у входа. Да смотри не хами. Ее спугнуть – дважды два. Давай...

Саяпин выходит.

Ну что случилось?... Увидеться?... Сейчас?... Это невозможно... Срочная работа. Отчет... Все в отпуске. Вдвоем тут пластаемся... Нет. Нет... Ну что за спешка? Что с тобой?... Да нет, что случилось?... Что?... Ребенок?... Ты уверена?... Ну и прекрасно. Поздравляю... Сын, я уверен... А как же?... Ну рад... Да рад я, рад... Ну что тебе – спеть, сплясать?... Увидеться?... Сегодня увидимся. Ведь не сию же минуту он у тебя будет... Что?... Подожди! (Видно, что на том конце брошена трубка. Этим он несколько раздосадован.) Ну вот, уже и разобиделась. (Выходит.)

Затемнение. Круг передвигается, сцена освещается. Зилов сидит в своей комнате у телефона. Зилов поднимается, ходит по комнате. У венка останавливается. Некоторое мгновение стоит перед венком.

ЗИЛОВ. Пошутили, мерзавцы...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Комната Зилова. За окном идет дождь. Зилов разговаривает по телефону.

ЗИЛОВ (нетерпеливо). А я вам говорю, по этому телефону звонить бесполезно... Да, бесполезно. У вас там всегда одно и то же: переменная облачность, ветер слабый до умеренного. Что?... Вы взгляните в окно... По-вашему, переменная облачность, а по-моему – ливень... Я хочу знать, когда он закончится... (Примирительно.) Кому же это известно? Господу богу?... Тоже мне – покорители природы, не знаете даже, когда дождь закончится... Интересно, чем вы там занимаетесь?... Что? (Торопливо. Можно понять, что ему хочется поговорить.) Минутку! Давайте с вами поболтаем, все равно от вашей работы никакого толку... Да вы, девушка, не сердитесь... Сорок лет?... Ну что ж. Почему бы вам не вспомнить молодость?... Мне?... Да как вам сказать. "Я девчонка совсем молодая, а душе моей тысяча лет..." Слышали такую песенку?... Что?... Ах, вас вызывают... Жаль. Очень жаль. (Положил трубку. Улегся на

тахту. Лежит на спине, руки закинув за голову.)

Затемнение.

Свет на сцене зажигается. Начинается воспоминание третье. Квартира Зиловых. Тахта, несколько стульев, на подоконнике подаренный Верой кот. Ранний час утра.

Галина спит, сидя за столом, на котором горит лампа и лежит большая стопа тетрадей.

Щелкнул дверной замок, Галина проснулась и подняла голову. Она в очках, которые сейчас сняла и положила на стол. Отвернулась к окну. Появляется Зилов.

ЗИЛОВ. Привет.

ГАЛИНА. Доброе утро. (Погасила лампу на столе.)

ЗИЛОВ. А почему ты не спишь?..

Пауза.

Что, много работы?.. (Снимает пиджак, бросает его на тахту.) Ты что, совсем не ложишься?..

Маленькая пауза.

Нет, нет. Нельзя так много работать. Мы не лошади. (Садится на тахту.) Я падаю с ног. (Зекает.) Нет, из этой конторы надо бежать. Бежать, бежать... Ну сама посуди, разве это работа?.. Знаешь, где я был?..

Маленькая пауза.

Представь себе, в Свирске. Вчера после обеда – бах! Садись – поезжай. Куда? На фарфоровый завод. Зачем? Грандиозное событие: реконструировали цех. Изучить, обобщить, информировать научный мир. О чем? Заводик-то – ха! Промартель. Гиблое дело. Тоска... Нет, мне это не подходит. Я все-таки инженер, как-никак... (Маленькая пауза.) Я звонил тебе в школу, ты была на уроке... Нет, дома нам нужен телефон. Он просто необходим, согласись... Галка!..

Молчание.

Ты что, не хочешь со мной разговаривать?.. Странно...

Пауза. Он прилег на тахту.

Что случилось? Чем ты недовольна?.. Может, я в чем виноват, так скажи, сделай милость... Или, может, давно не получала писем? От друга детства, а? Не пишет, что ли?.. Тогда при чем здесь я?.. Я устал и хочу спать. Дай мне постель... Слышишь? Я спал всего два часа. На вокзале...

Маленькая пауза.

Нет, в чем дело? Может, ты мне не веришь?

ГАЛИНА. Вечером тебя видели в городе.

ЗИЛОВ. Что?.. Интересно... Кто это меня мог видеть?.. Меня, в городе, вечером... Чудеса! (Маленькая пауза.) А что ты называешь вечером? Если семь часов, то пожалуйста – я объясню.

ГАЛИНА. Ни одному твоему слову не верю.

ЗИЛОВ (подумал и оскорбился). Ты это серьезно?

ГАЛИНА. Не верю ни одному твоему слову.

ЗИЛОВ (спокойно). Напрасно. Жена должна верить мужу. А как же? В семейной жизни главное – доверие. Иначе семейная жизнь просто невысказана. Так кто же это видел меня вчера в городе? Вернее, якобы в городе и якобы меня?..

ГАЛИНА. Это не имеет значения.

ЗИЛОВ. Нет, мы все должны выяснить, чтобы у тебя не было никаких подозрений. Кто и где меня видел?

ГАЛИНА. В десять часов тебя видели в гастрономе.

ЗИЛОВ. Кто?

ГАЛИНА. Не все ли равно! Соседка тебя видела.

ЗИЛОВ. Мария Васильевна?.. Она?.. Тогда все ясно. Она же близорукая. Подумай сама, она меня видела, а я ее нет. Да этого просто не могло быть. Старуха обозналась. (Подходит к ней.) Галка, ты стала слишком подозрительной. Соседям ты веришь больше, чем мне. Как тебе не стыдно. (Пытается ее обнять.)

ГАЛИНА (высвобождается). Ты, кажется, устал...

ЗИЛОВ. Ну и что?

ГАЛИНА. Ну вот, можешь меня не обнимать. Отдохни, раз устал.

ЗИЛОВ. Ну не так уж я устал... (Снова пытается ее обнять.)

ГАЛИНА (отходит от него). Нет. Мне это неприятно. (Не сразу.) И у нас с тобой больше этого не будет.

Маленькая пауза.

Зилов (забеспокоился). Что значит "не будет"?.. Что с тобой? Как ты на меня смотришь?.. Что такое?.. Так ты можешь смотреть на кого-нибудь другого, на насильника какого-нибудь. Я тебе муж как-никак... Ты даже собираешься родить мне ребенка...

ГАЛИНА. Можешь не беспокоиться. Ребенка у нас не будет.

ЗИЛОВ. Что?.. Что ты хочешь сказать?.. Ты была в больнице?

Маленькая пауза.

(Грозно.) Говори! Ты была в больнице?

ГАЛИНА. Можно подумать, что ты этого не хотел.

ЗИЛОВ (расходится). Что ты натворила!.. Как ты могла!.. Почему ты это скрыла?.. Говори!.. Ты не смела распоряжаться одна, слышишь?.. Ты понимаешь, что ты делаешь? Понимаешь?.. Нет, этого я тебе не прощу!

ГАЛИНА. Перестань паясничать.

Пауза.

ЗИЛОВ. Это ужасно... Ужасно, что ты со мной не посоветовалась. (Маленькая пауза.) А что теперь? Теперь уж не вернешь... (Подходит к ней.) Ты-то как? Нормально?.. (Маленькая пауза.) Ну не грусти. Это дело мы поправим... Все будет хорошо... (Пауза.) Все будет хорошо, ты слышишь... В следующий раз ты шагу не сделаешь без моего совета. Да, да. Будешь находиться под моим наблюдением, не веришь?

ГАЛИНА. Ни одному слову твоему не верю.

ЗИЛОВ. Но почему?.. Ведь я же тебе верю.

ГАЛИНА. А я тебе нет.

ЗИЛОВ. Странно... (Помолчал.) Когда-то мы обещали друг другу верить, вспомни-ка. Друг другу, а не соседям... Может, этого не было? Или ты этого не помнишь?

ГАЛИНА. "Когда-то"... Вспомнил. Мало ли что было когда-то.

ЗИЛОВ. А разве что-нибудь изменилось?

ГАЛИНА. Изменилось? Ну что ты. Просто все прошло.

ЗИЛОВ. Слушай. Давай без паники. (Хотел к ней подойти, она отступила. Уселся на стул посреди комнаты.) Ну кое-что изменилось – жизнь идет, но мы с

тобой – у нас с тобой все на месте. Во всяком случае, у меня к тебе все в целостности-сохранности. Как шесть лет назад. Как в тот вечер. Надеюсь, ты его не забыла?

ГАЛИНА. Сейчас утро, а не вечер. Брось. Ничего у нас не осталось.

ЗИЛОВ. Да нет, все в порядке. А если что не так, мы все можем вернуть в любую минуту. Хоть сейчас. Все в наших руках.

ГАЛИНА. Ничего мы не вернем.

ЗИЛОВ. Не веришь?... А вот мы сейчас посмотрим. Закрой глаза. Сейчас ты все увидишь. Закрой глаза. (Маленькая пауза.) Ну ладно, можешь смотреть. (Осматривает комнату.) Та-ак... Да, та была поменьше... Стол был здесь. (Передвигает стол.) Кровать – здесь. (Передвигает тахту.) Это (взял с подоконника кота и бросил его под тахту) не годится... Что еще?... Вино. Было вино... у нас нет вина?... А жаль... Да! Цветы! Были цветы... Ты не помнишь – какие?... По-моему, подснежники. Ну да, ведь был апрель. Апрель?

ГАЛИНА. Прекрати. И не трогай этого. Лучше не трогай.

ЗИЛОВ (обиделся). Не трогай? Что ты этим хочешь сказать?... Для меня тот вечер – святая вещь. Праздник. И мы его вернем, ты увидишь... Цветы! (Схватил со стола медную пепельницу, показал ее Галине.) Подснежники. Я пришел к тебе с подснежниками.

ГАЛИНА. Ты что, издеваешься?

ЗИЛОВ. Да нет же! Как ты не можешь этого понять?... Сядь сюда!... Ну сядь, я тебя прошу... Когда я вошел, ты сидела у окна. Здесь. Садись... (Усаживает ее силой.)

ГАЛИНА (поднимается). Оставь, пожалуйста.

ЗИЛОВ (снова ее усаживает). Ты смотрела в окно. Смотри в окно... Оно было раскрыто. (Раскрывает окно, отступил в глубь комнаты.) Так... Что еще было?

ГАЛИНА. Прекрати ради бога.

ЗИЛОВ. Нет, бога не было, но напротив была церковь, помнишь?... Ну да, планетарий. Внутри планетарий, а снаружи все-таки церковь. Помнишь, ты сказала: я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви?... А я что тебе ответил?..

Маленькая пауза.

По-моему, я тебя поцеловал?... Так мы и сделаем: ты сейчас скажи это, про церковь, а я тебя поцелую.

ГАЛИНА. Оставь меня, пожалуйста.

ЗИЛОВ. Да, не будем забегать вперед. Ты смотрела в окно. Смотри в окно. Когда я вошел, ты оглянулась... Итак, я вхожу. (Изображает.) Ты оглядываешься. Оглянись... Нет, ты должна оглянуться. Когда ты оглянулась и мы посмотрели в глаза друг другу, я понял, что все случится в тот вечер. А ты?... Ты ведь тоже это почувствовала... Ладно. Все по порядку и не отвлекаемся. Я вхожу, ты оглядываешься. (Кричит.) Вхожу!

Галина невольно оглядывается.

Э, нет, не годится. Ты смотришь на меня, как на насильника. А взгляд был нежный, уверяю тебя... Попробуй... Я вхожу. (Изображает.) Вхожу... (Громко.) Галка!

Галина оглянулась.

Да... Ну ничего. Сойдет... (Играет.) Я не опоздал?

ГАЛИНА. Опоздал. Ты должен был явиться вчера вечером, а не сегодня утром.

ЗИЛОВ. Боже мой! Пойми, что сейчас ты не здесь, а там. Там. Понимаешь? В тот вечер. Давай... (Изображает.) Я не опоздал?

Галина молчит. Зилов подошел к ней и передал ей пепельницу - цветы.

ГАЛИНА (иронически.) Спасибо.

ЗИЛОВ. Кого ты здесь высматриваешь, признавайся...

ГАЛИНА (не сразу и насмешливо.) Здравствуй, Витя, бывал ли ты когда-нибудь в церкви?

ЗИЛОВ. Да. Раз мы заходили с ребятами. По пьянке. А ты?

ГАЛИНА (насмешливо). А я с бабушкой. За компанию.

ЗИЛОВ. Ну и как?

ГАЛИНА (насмешливо). Да ничего. Я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви.

Зилов пытается ее поцеловать.

Не лезь, пожалуйста.

ЗИЛОВ. Нет, нет. "Не лезь" - это не оттуда. Вспомни-ка, что ты тогда сказала...

Маленькая пауза.

(С горьким упреком.) Вот видишь, ты ничего уже не помнишь.

ГАЛИНА. Я-то помню, представь себе... (Вспоминает с легкой насмешкой.) Представь себе, мы поднимаемся по ступеням, входим, а там тишина, горят свечи и все так торжественно...

ЗИЛОВ. Точно! А потом я сел здесь (садится) и спросил тебя... (Изображает.) Хозяйка дома?

ГАЛИНА. Это было совсем не так. Тогда ты волновался...

ЗИЛОВ (играет). Хозяйка дома? (Ждет, потом подсказывает.) Нет, она на дежурстве... Ну!.. (Играет.) Хозяйка дома?

ГАЛИНА (задумчиво). Да... В тот вечер она была на дежурстве...

ЗИЛОВ (играет). Значит, сегодня ее не будет?

Он ее обнимает. Она его отстраняет, но весьма мягко. Она-таки увлекается воспоминаниями.

Значит ее не будет?

ГАЛИНА. Ну, допустим, не так. Я сказала тебе... (Негромко, глубоким голосом повторяет те далекие слова.) Пойдем куда-нибудь...

ЗИЛОВ (подхватывает). Нет.

ГАЛИНА. Пойдем в планетарий. Мы ведь ни разу там не были.

ЗИЛОВ. Нет.

ГАЛИНА. Ну хочешь, я провожу тебя до общежития?

ЗИЛОВ. Ты хочешь, чтобы я ушел?

ГАЛИНА. Нет... Идем погуляем, прошу тебя... (Отвлекаясь от воспоминаний.) Ну что же ты? (Подсказывает ему.) Никуда я не пойду.

ЗИЛОВ. Никуда я не пойду.

ГАЛИНА. Почему?

ЗИЛОВ. Потому что... (Затрудняется). Потому что...

ГАЛИНА (нетерпеливо). Почему?

ЗИЛОВ (вспомнил). Потому что я тебя люблю.

ГАЛИНА. А если мы немного погуляем, разве ты перестанешь меня любить?

ЗИЛОВ (неуверенно). Нет, но я этого не переживу...

ГАЛИНА (свободно). Пойдем, прошу тебя. Докажи, что ты меня любишь... (Ждет, потом.) Ну что же ты?... (Взволнованно.) Говори же, говори!

ЗИЛОВ (фальшиво). Я жить без тебя не могу.

ГАЛИНА. Не так! Совсем не так! Неужели ты не чувствуешь?... Ну!

ЗИЛОВ (неуверенно). Милая...

ГАЛИНА. Не то!

ЗИЛОВ (вопросительно). Любимая?..

ГАЛИНА. Нет!

ЗИЛОВ (роковым голосом). Дорогая!

ГАЛИНА (с болью). Нет! Нет!.. Неужели ты не можешь?

ЗИЛОВ (крутится). Не волнуйся... Минутку, минутку... Сейчас все будет на месте... (Наконец его осенило.) Вспомнил! (Взял ее за руку.) Иди ко мне!

ГАЛИНА (освободила руку). Нет! Ты не сказал мне самого главного.

ЗИЛОВ. Неважно. (Пытается ее обнять.)

ГАЛИНА. Нет! Ты должен это вспомнить... Вспомни, прошу тебя!

Маленькая пауза.

(С отчаянием.) Вспомнишь ты или нет? Пауза. Она ждет.

ЗИЛОВ. Черт возьми! Мало ли что мог мужчина сказать в такую минуту!

ГАЛИНА (почти с ненавистью). Ты все забыл. Все!

ЗИЛОВ. Ну хватит. (Грубо.) Иди сюда. (Силой привлекает ее к себе.)

Галина вырывается и медленно от него отступает. Молчание. Галина вдруг опускается на стул и плачет.

(Не сразу, с искренним огорчением.) Ну вот... Вспомнили молодость.

Затемнение. Свет зажигается. Зилов, закинув руки за голову, лежит на тахте.

Картина вторая

Зилов ходит по комнате. Постоял у окна. Подходит к телефону, набирает номер.

ЗИЛОВ. Дима?.. Это я, Зилов. Этот дождь, по-моему, никогда не кончится... Он будет лить сорок дней и сорок ночей. А что? Однажды, говорят, так уже было... Дима! Что, если поехать сейчас?.. А что? В Ключах заночуем, а?.. Ну что нам топь?.. А если без коляски? Без коляски мы его перетащим, я ручаюсь... Никак?.. Скверно... Откровенно говоря, отвратительное настроение... Да одно к одному. А тут еще друзья меня порадовали... Еще не слышал?.. Ты знаешь, что они мне прислали?.. Венок... Венок!.. Ну натурально – для гроба, для могилы... Пошутили, мерзавцы... Тебе смешно?.. А мне, знаешь, не очень... Я человек впечатлительный, мне этот юмор теперь по ночам снится будет... Друзья! Разве это друзья? Это оасовцы какие-то. Слушай, а ты не знал про эту шутку?.. Ну слава богу, хоть один есть приличный человек... (С беспокойством.) Дима! Я тебя вчера случайно не задираю? Ничего?.. Слава богу... (С волнением.) Старина, ты прости за глупый разговор, но скажи, старик, как ты ко мне относишься?.. (Слушает.) А я... Я так тебе скажу. После вчерашнего я остался один... Нет, чувствую, что один. И получается так, что ты – самый близкий мне человек... (Принужденно смеется.) Да нет, не в этом дело... В общем, слава богу, что мы едем с тобой на охоту... (Обычным тоном.) Да, я жду твоего звонка... Никуда не выхожу – жду. (Положил трубку, пошел по комнате, остановился. Стоит лицом к окну.)

Затемнение. Круг поворачивается, зажигается свет. Воспоминание следующее.

Бюро технической информации. Зилов и Саяпин. Саяпин что-то пишет.

ЗИЛОВ. Шестой час. Шабаш. (Складывает бумаги в стол.) Остановись. Последнее время ты работаешь, как машина.

САЯПИН. А что делать? Хорошо тебе рассуждать, ты человек с квартирой... Что ни говори, отдельная квартира – дело великое. Ну возьми хоть эту сторону. В чужой квартире все на виду, все на людях. Жена скандалит, а ты, если ты человек деликатный, терпи. А может, мне ее стукнуть хочется? Нет, действительно... Вот дадут нам квартиру, тогда мы еще посмотрим кто кого.

ЗИЛОВ (смеется). На новоселье я подарю вам боксерские перчатки.

САЯПИН. Да, с квартирой ты человек свободный. Не нравится тебе эта контора – взял, махнул в другую.

ЗИЛОВ. Куда, например?

САЯПИН. Ну на завод куда-нибудь или в науку, например. А что такого?

ЗИЛОВ. Брось, старик, ничего из нас уже не будет.

САЯПИН. Почему же?

ЗИЛОВ. А потому, что ты, как говорит мой папаша, ленив и развращен...

САЯПИН. А ты?

ЗИЛОВ. Я?... (Усмехнулся.) Впрочем, я-то еще мог бы чем-нибудь заняться. Но я не хочу. Желания не имею.

САЯПИН. Лично мне и здесь неплохо, но жена...

ЗИЛОВ. Нет, старик, наша контора для нас с тобой самое подходящее место. Дом родной.

САЯПИН. Посмотрим. (Убирает со стола.) У тебя какая программа? Мы идем на футбол.

ЗИЛОВ (развалился на стуле). Идите.

САЯПИН. А пока (достает из стола шахматную доску) успеем еще стонять партию.

ЗИЛОВ. Валяйте.

САЯПИН. А футбол будет веселый. Наши и Красногорск. Не хочешь посмеяться? (Набирает номер по телефону.)

ЗИЛОВ. Не занимай телефон. Я жду звонка.

Саяпин (по телефону). Кузаков?... Как настроение?... Хочешь получить мат? Тогда иди, пока у меня есть время...

ЗИЛОВ. Я жду звонка. Слышишь?

САЯПИН. Ты не забыл, я играю белыми... Ну живее. (Положил трубку.) Кто тебе будет звонить? (Расставляет шахматные фигуры.) Не та ли девочка?

ЗИЛОВ. Ну и что?

САЯПИН. Я вижу, ты взялся за нее капитально.

ЗИЛОВ. Она мне нравится.

Телефонный звонок.

(Снимает трубку.) Ира?... Здравствуй, радость моя... Где ты?...

САЯПИН. Любовь моя и радость, зачем ты не со мной...

ЗИЛОВ. Я скучаю... Не веришь?... Ну как я тебе докажу?... Ну увидишь, как я похудел... Да, со вчерашнего вечера... А долго ли. Это все быстро делается... Ты где?... Что?... Из автомата?... Тебе мешают?... Кто тебе мешает?... Пристают?... (Саяпину.) Пацаны. Вот видишь, она чересчур хорошенькая... (По телефону.) Пошли их к чертовой матери. Пригрози милицией... И не смей им улыбаться, слышишь!... В шесть я жду тебя в "Незабудке"... В "Незабудке" в шесть. Не опаздывай... Что?... Ты не вздумай с ними разговаривать. Ни в коем случае! (Положил трубку.) Скажи, как шпана обнаглела.

САЯПИН. Я не могу понять – ты влюбился или ты над ней издеваешься?

Появляется Кушак. В руках у него небольшая брошюра.

КУШАК. Вы что, посадить меня хотите?

Маленькая пауза.

Где вы взяли эту липу?

Маленькая пауза.

Кто из вас подсунул мне эту наглую дезинформацию?

ЗИЛОВ. Шеф, что случилось?

КУШАК. Ах, разумеется, вы ничего не знаете...

ЗИЛОВ. Что, здесь (показывает на брошюру) есть какие-нибудь неточности?

КУШАК. Неточности?... Отлично сказано! Не думал, что вы такой скромный. Неточности! Да тут сплошное вранье! Ложь!

ЗИЛОВ. А что именно?

КУШАК (тычет пальцем в открытую брошюру). Вот! Вот! Будто вы не знаете!

ЗИЛОВ. Фарфоровый завод? Неужели?

КУШАК. Никакой реконструкции там не было и нет!

ЗИЛОВ. Что вы говорите!

КУШАК. Здесь нет ни одного слова правды!

ЗИЛОВ. Если так, то это действительно ужасно. Скандал! Как же это могло случиться? Будем выяснять, что ж делать?... Сейчас... Где у нас оригинал? (Шарит в столе.)

КУШАК. Кто из вас этим занимался?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ну я.

КУШАК. Зилов, вы мне не нравитесь все больше и больше.

ЗИЛОВ. Что поделаешь. Может, мне сменить прическу?

КУШАК. Не острите, Зилов. Все это не так весело, как вам кажется, я вас уверяю. Садитесь и пишите объяснительную. (Саяпину.) Вы тоже.

САЯПИН. Я?

КУШАК. Вы. Именно вы. Статью вы подписали оба. Оба будете отвечать.

ЗИЛОВ. Он тут ни при чем.

КУШАК. Так. Выходит, вы один тут виноваты?

ЗИЛОВ. Выходит, так.

КУШАК. Я так и думал... Благородно с вашей стороны, очень даже благородно. Прекрасно вас понимаю. Настоящие друзья только так и поступают.

ЗИЛОВ. Нет, я понимаю, что я его подвел...

КУШАК (иронически). Ага, значит, вы его подвели. Значит, так: вас надо наказать, а его следует поощрить. Правильно я вас понимаю?

ЗИЛОВ. Ну что ж, вполне логично.

КУШАК. Так, так. Хорошо у вас получается. Просто замечательно... Одно только нехорошо... Нехорошо, друзья мои, что других вы считаете глупее себя. Или это тоже хорошо?

ЗИЛОВ. Это плохо.

КУШАК. Плохо! Именно – плохо. Зачем вы его выгораживаете – это нам всем очень хорошо понятно. И мне в том числе... Так почему же, на каком таком основании я обязан быть глупее всех, вы не скажете? (Зилову, в упор.) Согласитесь со мной. Этот вопрос я должен был перед вами поставить. Рано или поздно.

Валерия появляется и останавливается у дверей. Они ее не замечают.

ЗИЛОВ. Да, вопрос интересный...

КУШАК. А дальше будет еще интереснее. Скажите, вас устраивает работа в нашем учреждении?

ЗИЛОВ (не сразу). Да, вполне устраивает... А что, разве вопрос стоит так остро?

КУШАК. Если ответственность за эту (потряс в воздухе брошюрой) вопиющую безответственность ляжет на вас одного – я вас уволю. (Маленькая пауза.) Как

видите, друзья-приятели, вам придется сказать правду... Так кто же этим занимался? Вы один? Или вы оба?

Небольшая пауза.

САЯПИН. Я не в курсе этой статьи. Ее готовил Зилов. Я ему поверил.

КУШАК. Так... (Зилову.) Ну, а вы теперь что скажете?

ЗИЛОВ. Я уже сказал. Статью готовил я.

КУШАК. В таком случае вопрос исчерпан. (Саяпину.) Но выговор вы все-таки получите. Впредь никогда и ничего не подписывайте до тех пор, пока не прочтете внимательнейшим образом. Это азбучная истина. В свое время она была известна любому младенцу. Безобразие!

ВАЛЕРИЯ. Здравствуйте!

КУШАК. Добрый день.

ВАЛЕРИЯ (Кушаку). Что они тут натворили, а? Халтурщики! Вадим Андреич, их не ругать, их бить надо. Жаль, я слабая женщина...

КУШАК. Да, я вынужден вам пожаловаться. Они допустили серьезную ошибку в работе. Я бы сказал – непростительную ошибку.

ВАЛЕРИЯ. Вот как?... Так взгрейте их как следует! Во всяком случае, мужа я прошу наказать со всей строгостью.

КУШАК. Вашему мужу не хватает вашей... мм...

ЗИЛОВ (подсказывает). Принципиальности.

КУШАК. Вот именно!

ВАЛЕРИЯ (мужу). Обормот. (Кушаку.) Вадим Андреич, что бы вы с ним ни сделали – мне все доставит большое удовольствие.

КУШАК. Мне очень жаль, но на этот раз действительно не обойтись без последствий.

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич! У меня блестящая идея! Лучшего наказания ему не придумаешь! Вы дадите им выговор, что угодно – им все трын-трава. Даже если их прогнать с работы – все равно, их ничем не прошибешь. Кроме одного...

САЯПИН. Что это, интересно?

ВАЛЕРИЯ (Кушаку). Сказать?

КУШАК. Скажите, Валерия. У вас, слава богу, есть здравый смысл.

ВАЛЕРИЯ (о Саяпине). Его мы лишаем футбола! На сегодня. А?

САЯПИН (настроился на нужный тон). Слушай!

ВАЛЕРИЯ. Да-да-да! Вместо футбола ты будешь сидеть здесь и будешь работать. Сверхурочно! Ты понял? А на футбол пойдем мы. Я и Вадим Андреич!

ЗИЛОВ. Неплохо.

ВАЛЕРИЯ (Кушаку). Как?

САЯПИН (в том же тоне). Ну знаешь, ты тут не распоряжайся...

ВАЛЕРИЯ (Кушаку). Решено?

КУШАК (деланно смеется). Забавно, конечно... но в то же время... Это вроде бы не мера...

ВАЛЕРИЯ. Решено! Вы ведь тоже болельщик?

КУШАК. Я?... Да я как-то не особенно, не заядлый, а так, знаете, умеренный...

ВАЛЕРИЯ. Тогда вы не представляете, что значит для него футбол! Идемте! Идемте! Поверьте, это будет ему настоящим наказанием.

КУШАК. Но я, право, не знаю...

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич! С ним все ясно, он занят, они оба заняты, не пойду же я одна – в конце концов!

КУШАК. Нет, я... ничего, но, подумайте, ведь это можно по-разному истолковать...

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич! Какие толки! Что тут толковать? (Мужу.) А ну скажи, что ты думаешь.

САЯПИН. Вадим Андреич, к сожалению, у нас командует она. Ее не свернешь...

ВАЛЕРИЯ (взяла Кушака под руку). Вадим Андреич, мы опаздываем. А

Зилову, знаете, задержите отпуск. На недельку. Если он вовремя не попадет на охоту...

ЗИЛОВ. Это не твоя забота.

ВАЛЕРИЯ. Этого он не переживет, как видите. (Увлекает к двери растерянного Кушака.) Ладно, мы торопимся.

КУШАК (в дверях). Смотрите, Валерия. Если выдумаете, что теперь им все сойдет с рук, - вы ошибаетесь.

ВАЛЕРИЯ. Еще бы. Каждому - по заслугам. Так что не надейтесь. Дружба дружбой, а служба... (Исчезает вместе с Кушаком.)

САЯПИН (не без гордости). Видал?

ЗИЛОВ. Да, с ней не пропадешь.

САЯПИН. Подруга жизни.

ЗИЛОВ. Да уж, подобралась у вас семейка. И ты-то молодец...

САЯПИН. Старик, он тебя не уволит... Старик, пойми! У меня же квартира горела! На твоих глазах! Неужели не понимаешь?

Голос за дверь: "Телеграмма".

Зилов выходит и тут же возвращается с телеграммой в руках. На ходу он раскрыл телеграмму - и вдруг останавливается. Некоторое время стоит неподвижно.

Что случилось?

ЗИЛОВ. Умер отец. (Пауза. Садится на стул, опустил голову.) На этот раз старик не ошибся...

Пауза.

САЯПИН. Когда?

ЗИЛОВ. Вчера, в шесть часов... (Маленькая пауза.) Батя, батя... Если бы я знал... (Пауза. Поднимается, набирает номер по телефону.) Галка... Умер отец... Да... Да... У тебя есть деньги?... Неси, какие есть. Я уезжаю... Сегодня. Сейчас... Да... Жду тебя в конторе. Жду... (Положил трубку.)

САЯПИН. Успеешь?

ЗИЛОВ. Должен успеть... Пять часов самолетом, на пароходе полсутки, а там на автобусе... Надеюсь, что успею.

САЯПИН. Да-а... Теперь он тебя наверняка не уволит.

ЗИЛОВ. Что?

САЯПИН. Я говорю, такое несчастье - не уволит, не имеет права.

ЗИЛОВ. Заткнись-ка, идиот.

Появляются Кузаков и Вера. Зилов сидит, опустив голову.

КУЗАКОВ. Привет, алики!

Маленькая пауза.

Что грустите, что невеселы, соколики, или выпить захотели, алкоголики? (Проходит, садится за шахматную доску.) Ну-с, гроссмейстер...

САЯПИН. Подожди. Тут не до игры.

КУЗАКОВ. А что случилось?

ВЕРА. Они разочаровались в жизни.

КУЗАКОВ. Что ж. Может, они и правы. Жизнь в основном проиграна.

Саяпин показывает Кузакову телеграмму.

ВЕРА (Зилову). Алик, что с тобой? Похмелье, что ли? Головка болит?

ЗИЛОВ. Замолчи, дура.

ВЕРА. Он действительно не в духе.

ЗИЛОВ. Заткнись, тебе говорят!

КУЗАКОВ (Вере). Оставь его.

ЗИЛОВ (Вере). Зачем ты сюда явилась? Чего тебе здесь надо?

КУЗАКОВ. Она пришла со мной.

ЗИЛОВ. Водить по учреждениям, ты мог бы найти что-нибудь поприличнее.

Маленькая пауза.

Вера (Кузакову). Ну? Что ты ему на это ответишь?

Кузаков молча протягивает Вере телеграмму.

Траурная музыка. Затемнение. Круг поворачивается.

Музыка умолкает. Зажигается свет.

Воспоминание продолжается.

Кафе "Незабудка". Зилов и Галина останавливаются у входа в кафе.

ЗИЛОВ. А теперь ты иди.

ГАЛИНА. Не успеешь зайти домой?

ЗИЛОВ. Зачем?

ГАЛИНА. Собраться.

ЗИЛОВ. Какие сборы? Я еду не на именины... Ну иди. Иди домой.

ГАЛИНА. Все-таки, может быть...

ЗИЛОВ. Что?

ГАЛИНА. Может, мы поедем вместе?

ЗИЛОВ. Нет, нет, решено, я еду один.

ГАЛИНА. Я думала, так будет лучше...

ЗИЛОВ. Как?

ГАЛИНА. Если я поеду с тобой.

ЗИЛОВ. Чем лучше?... Тут ничем не поможешь... Сколько времени?

ГАЛИНА. Без двадцати шесть.

ЗИЛОВ. До свиданья. Мне пора на самолет. Я загляну сюда, мне надо немного выпить... До свиданья. (Проходит в кафе, садится за столик.)

Галина стоит у входа.

Дима!

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ (Галине). Привет, Галка... Проходи, гостьей будешь. (Подошел к Зилову.) Привет, Витя.

ЗИЛОВ. Привет, Дима. Принеси, пожалуйста, водки.

ОФИЦИАНТ (негромко о Галине). Витя, почему твоя жена со мной не здоровается?... Мне, конечно, все равно, но невежливо как-то с ее стороны... Сколько водки?

ЗИЛОВ. Двести.

Официант уходит. Галина подходит к столику.

Ты еще здесь?

ГАЛИНА. Я посижу с тобой. (Садится.) Пока ты здесь.

ЗИЛОВ. Я хочу быть один, ты понимаешь?

ГАЛИНА. Не понимаю. Мне казалось, что именно сейчас...

ЗИЛОВ. Именно сейчас я хочу остаться один.

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Да, я понимаю. Твоему отцу я была чужая... И тебе я давно

чужая... Я тебе хотела сказать, давно хотела сказать... Я получаю письма...

ЗИЛОВ. Какие письма?

ГАЛИНА. Я получаю письма каждый день.

ЗИЛОВ. Да?... От кого, интересно?... Он друга детства, конечно?

ГАЛИНА. Он меня любит.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ну, а как ты к нему относишься?

ГАЛИНА. Я не знаю... Но так, как у нас, так больше невозможно.

ЗИЛОВ. И ты решила сказать мне об этом именно сегодня?

ГАЛИНА. Я тебе не нужна. Скажи правду.

ЗИЛОВ. И тебе не совестно?... У тебя переписка, шашни, черт знает что, и это ты преподносишь мне именно сегодня! В тот самый день, когда у меня умер папа... Ну спасибо тебе, утешила.

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Наверное, я виновата, но я больше не могу... Прости, если виновата.

ЗИЛОВ. Да нет, ты не стесняйся! Чего там! Продолжай! Расскажи, что там у тебя с ним, как. Рассказывай.

ГАЛИНА. Мне нечего рассказывать.

ЗИЛОВ. Нечего?... Не знаю, не знаю. Не уверен. Ты молчала, значит, ты уже меня обманывала. Откуда же мне знать, что там у вас на самом деле!

ГАЛИНА. Перестань, что ты выдумываешь.

ЗИЛОВ. Я выдумываю? Ты сама сказала, что уже не знаешь, кого любишь.

ГАЛИНА. Это неправда!

ЗИЛОВ. Ты понимаешь, до чего ты дошла? И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца? Никогда! Уходи, я не желаю тебя видеть!

ГАЛИНА. Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что ты говоришь...

ЗИЛОВ. Уходи, я тебе говорю! И вообще можешь не показываться! Можешь ехать к своему другу – пожалуйста! Желаю счастья!

ГАЛИНА. Да что с тобой?... Я не давала ему никакого повода. Я давно ему не отвечаю... Я написала ему всего два письма. Всего два письма. Как же ты можешь?...

ЗИЛОВ (вдруг спокойно). Ладно... Я психанул, извини... Нервы сдают. Должна понять, в каком они у меня состоянии...

ГАЛИНА. Я сама виновата. Ты меня прости...

ЗИЛОВ. Ладно, ты не обижайся... Я ведь чувствовал, что мне надо остаться одному... (Маленькая пауза.) И все-таки ты иди домой, хорошо?

ГАЛИНА (поднимается). Хорошо.

ЗИЛОВ. И не сердись.

ГАЛИНА. Я не сержусь. Когда ты вернешься?

ЗИЛОВ. Когда?... Я думаю, через неделю-полторы.

ГАЛИНА. Плохо, что я тебя не собрала. Ты даже без плаща.

ЗИЛОВ. Ничего, обойдусь... (Подходит к ней, поцеловал ее в щеку.) До свиданья.

Галина уходит. Пауза. Появляется официант.

Сколько времени?

ОФИЦИАНТ. Без пяти шесть... Закусить ничего не надо?

ЗИЛОВ. Нет... Дима, выпей со мной.

ОФИЦИАНТ (садится). Спасибо, Витя, но на работе я – ни грамма. Это мой закон, ты знаешь. (Не сразу.) Ну как? Считаешь деньки-то? Сколько там у нас осталось?... Мотоцикл у меня на ходу. Порядок... Витя, а лодку-то надо бы просмолить. Ты бы написал Хромому... Витя!

ЗИЛОВ. Да?

ОФИЦИАНТ. Я говорю насчет лодки. Написать бы туда надо.

ЗИЛОВ. Я уже все сделал. Лодка на воде.

ОФИЦИАНТ. Молодец.

ЗИЛОВ. Да, ведь восемнадцать дней осталось. Пустяки... (Молчит.)

ОФИЦИАНТ. О чем грустишь?

ЗИЛОВ. Несчастье у меня, Дима.

ОФИЦИАНТ. А что такое?

ЗИЛОВ. Старика еду хоронить...

ОФИЦИАНТ (не сразу и сочувственно). Понятно...

Маленькая пауза. Зилов выпивает.

Дело печальное...

ЗИЛОВ. Скверно, Дима... Хреновый я был ему сын. За четыре года ни разу его не навестил...

ОФИЦИАНТ. Н-да...

ЗИЛОВ. Теперь вот повидаемся...

ОФИЦИАНТ. Далеко?

ЗИЛОВ (утвердительно качает головой). Боюсь, не успею... (Не сразу.) Сколько с меня?

ОФИЦИАНТ. Рубль шестьдесят.

ЗИЛОВ (достаёт деньги). Да. Я тебе должен три рубля...

ОФИЦИАНТ. Три двадцать, Витя.

ЗИЛОВ. А, извини... Вот. (Отдает деньги.) Спасибо.

ОФИЦИАНТ (поднялся, прикинул на счетах). Тридцать пять копеек с меня.

Зилов махнул рукой.

Благодарю.

У входа появляется Ирина.

ЗИЛОВ (официанту). Пока, Дима.

ОФИЦИАНТ. Пока. Держись, старик, не падай духом. (Уходит.)

ИРИНА (подходит). Добрый вечер.

ЗИЛОВ. Иди сюда. Садись.

Ирина садится, дурашливо сложила руки на столе, выпрямилась, подняла голову, все как за партой. Рассмеялась.

(Положил на ее руки свою ладонь.) Ну? Как ты себя вела?

ИРИНА. Я послушная девочка. Я вела себя, как ты велел.

ЗИЛОВ. Ты умница. А та шпана?... Ну у телефона?

ИРИНА. Ой! Я еле от них убежала. Они сумасшедшие. Сначала они не выпускали меня из телефонной будки.

ЗИЛОВ. Вот мерзавцы.

ИРИНА. Да нет, они сумасшедшие. Они меня не выпускают, а я им говорю, пустите, а то я вас обругаю. Потом один говорит, не ругайся, пойдем с нами, у меня, говорит, день рождения. Врет, наверное. Я говорю, я иду на свидание. А они, все равно, говорят, мы тебя проводим. Ну разве не сумасшедшие? (Без паузы.) А ты меня обманул. Ты не похудел. Нисколько. Но ты грустный.

ЗИЛОВ. Я уезжаю.

ИРИНА. Когда?

ЗИЛОВ. Сейчас. Попрощаемся, и на самолет.

Маленькая пауза.

ИРИНА. Обязательно надо?

ЗИЛОВ. Обязательно.

ИРИНА. Тогда поезжай. А я буду тебя ждать. А долго ждать?

ЗИЛОВ. Долго. Целую неделю.

Появляется Галина. В руках у нее плащ и портфель. Она входит быстро, но, сделав несколько шагов к столику, где сидят Зилов и Ирина, останавливается. Маленькая пауза. Галина смотрит на них, они на нее. Рука Зилова все еще лежит на руках Ирины. Галина подходит к ближайшему стулу, оставляет на нем плащ и портфель. И вдруг быстро уходит. Маленькая пауза.

ИРИНА. Кто это?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Это моя жена.

ИРИНА (поражена). Жена?..

ЗИЛОВ. Да, я женат...

Пауза.

Так... Ты потрясена. Убита... Для тебя все кончено...

Маленькая пауза.

Ну?.. Можешь назвать меня мерзавцем, можешь встать и уйти... Делай, что хочешь.

Маленькая пауза.

Все кончено, не правда ли?.. А? Что же ты молчишь?.. Ты не знаешь, что говорят в таких случаях? Пожалуйста, я тебя научу...

ИРИНА (тихо). Нет...

ЗИЛОВ. Что - "нет"? Говорю тебе, я женат... Разве это ничего не меняет?

ИРИНА. Да, это ничего не меняет... Все равно...

ЗИЛОВ (садится с нею рядом, обнимает ее). Радость моя! Ты белая как стенка, успокойся, все это ерунда. Я женат - в самом деле, расписан - действительно, но мы с ней давно уже чужие люди, друзья, добрые друзья. Не больше.

ИРИНА. Это правда?

ЗИЛОВ. Я мог тебе все рассказать в первый день, но зачем - подумай?.. Ну что ты! Если бы я хотел тебя обмануть, я бы сегодня тебя обманул, сейчас. Сказал бы, что она моя сестра...

ИРИНА. Сначала я чуть не умерла... А потом почувствовала, что мне все равно, женат ты или нет. И мне стало страшно.

ЗИЛОВ. Бедная девочка! Прелесть моя! Ты понятия не имеешь, какая ты прелесть...

Маленькая пауза. Зилов целует Ирине руку. Она унимает его, смущенно поглядывая по сторонам.

ИРИНА. Я хочу есть.

ЗИЛОВ. Прекрасная мысль. Сейчас мы поужинаем. И выпьем чего-нибудь, верно? (Громко.) Дима!..

ИРИНА. А твой самолет? Ты успеешь?..

ЗИЛОВ (помрачнел). Да, ты права... Я должен торопиться...

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ (Зилову). Ты меня звал?

ЗИЛОВ. Да... (Маленькая пауза. Нерешительно.) Что-нибудь поесть и вина... Немного.

ОФИЦИАНТ. Поесть – что именно?

ЗИЛОВ (Ирине). Что ты желаешь?

ИРИНА. Что ты, то и я.

ЗИЛОВ (вдруг решительно). Бифштексы. Что-нибудь холодное, вина бутылку и коньяку – двести. Все.

ИРИНА. Не опоздаешь на самолет?

ЗИЛОВ. Я еду завтра. (Официанту.) Ты все понял?

ОФИЦИАНТ. Все ясно.

Траурная мелодия, которая внезапно обрывается и после секундной паузы сменяется своим развязным вариантом. Круг поворачивается, музыка умолкает, зажигается свет. Зилов стоит посреди своей комнаты. Лицо его обращено к окну.

Картина третья

ЗИЛОВ (набирает номер по телефону). Общежитие?... Будьте добры, позовите из сороковой комнаты Ирину... Что?... А давно?... С вещами?... Поступила она в институт, вы не знаете?... Сегодня?... Минутку! У вас нет телефона приемной комиссии?... Два двадцать один тридцать семь... Спасибо. (Нажимает на рычаг, потом снова набирает номер.) Два двадцать один тридцать семь... Приемная комиссия?... Вас беспокоят из редакции... Кузаков... Да, Кузаков... У нас к вам просьба. К вам на первый курс поступала Рожкова Ирина Николаевна... Рожкова. Факультет английского языка... Что с ней – поступила или нет? Узнайте, пожалуйста... Да, срочно... Телефон? Пять двадцать сорок восемь... Минут через двадцать?... Хорошо, я жду. (Положил трубку. Сидит у телефона.)

Затемнение. Сцена освещается. Воспоминание следующее.

Квартира Зилова. На виду две комнаты, разделенные стеной и дверью. В одной комнате Зилов, сидя за столом, на котором у него весы, различные коробки, гильзы, занимается охотничьими приготовлениями. В этой комнате в глаза бросается ружье, деревянные утки, большая фотография Зилова, запечатленного на лоне природы, в охотничьем снаряжении и увешанного добычей. В другой комнате, где происходило новоселье, Галина занята сборами в дорогу. Здесь на видном месте новенький телефон.

Галина заканчивает сборы, закрывает чемодан, присаживается и сидит молча. Зилов выходит из своей комнаты.

ЗИЛОВ. Собралась?... Ну что ж. Присядем на дорогу, (Садится.) Ты подала телеграмму?

ГАЛИНА. Да...

ЗИЛОВ. Тебя встретят?

ГАЛИНА. Да, встретят...

ЗИЛОВ. А ты уверена, что они дома?

ГАЛИНА. Они?... Да, кто-нибудь из них всегда дома.

ЗИЛОВ. Отдохни как следует. Пусть по грибы тебя сводят, по ягоды... Дядя твой не охотник?

ГАЛИНА. По-моему, нет...

ЗИЛОВ. А как там с охотой? Не знаешь?

ГАЛИНА. По-моему, хорошо. Там прекрасный лес, озера... (Вдруг.) Поедем.

ЗИЛОВ. Туда? На охоту?

ГАЛИНА. Нет, я пошутила. Я тебя не возьму... Отдыхать так отдыхать.

ЗИЛОВ. Верно, лучше мы разведемся. Ненадолго.

ГАЛИНА. Да, лучше разведемся...

ЗИЛОВ. Охота скоро начинается, так что бросаться сейчас на новое место

не годится. Я ждал целый год и не могу рисковать.

ГАЛИНА. Да... Зачем рисковать... (Пауза. Поднялась.) Знаешь, ты меня не провожай. Чемодан легкий... Я возьму такси.

ЗИЛОВ. Как хочешь... Когда тебя ждать?

ГАЛИНА. Ждать?... Разве ты будешь меня ждать?

ЗИЛОВ. А как же? Когда ты приедешь?

ГАЛИНА. Приеду... когда-нибудь.

ЗИЛОВ. Когда-нибудь? Что это значит?

ГАЛИНА. Да нет, я пошутила. Приеду через месяц... Ну, давай прощаться.

Они целуются.

Счастливо тебе... Вспоминай меня. Иногда... Ну, привет?

ЗИЛОВ. Привет... Будешь возвращаться, обязательно подай телеграмму. Слышишь?

ГАЛИНА (на пороге). Да, обязательно... (Уходит.)

ЗИЛОВ (на две секунды присел, задумался, потом прошелся по комнате, взглянул в окно, снова прошелся, потом, усевшись на тахту, набрал номер по телефону). Общежитие?... Будьте любезны, пригласите из сороковой комнаты Ирину... Рожкову, Ирину Николаевну... Некому идти?... Не может быть. Я звоню по делу из института... Проректор... Да, проректор... Будьте так любезны... Жду. (Улегся на диван. Пауза. Чужим голосом.) Товарищ Рожкова?... Ирина Николаевна, если я не ошибаюсь... Вас беспокоит проректор... Видите ли, у нас тут возник один вопрос... Вы комсомолка?... Нет?... А почему?... Это не объяснение... Может быть, вы в бога верите?... Тогда во что же вы верите?... А кто, по-вашему, должен знать? Я, что ли?... Серьезней надо быть, товарищ Рожкова, серьезней... Ну хорошо, в институт мы вас все-таки принимаем, даем вам стипендию... повышенную. Да, повышенную. И знаете почему?... За красивые глаза... Они у вас голубые, если мне память не изменяет... (Своим голосом.) Здравствуй, моя радость... (Смеется.) Ну, конечно, я... А ты поверила?... Ну не ругайся... Увидишь, все так и будет... Я дома... (Деловито.) Ты вот что. Давай быстренько ко мне... Прямо сейчас... Да... Я один... Один как перст... Она уехала... Пока на месяц... Никаких, я тебя жду... Очень просто. Я же тебе показывал... Да, второй от остановки... Зеленый балкон, совершенно верно... Этаж пятый, квартира двадцатая... Жду... (Положил трубку, прошелся по комнате, уселся на подоконник.)

Появляется Галина.

Что случилось?... Что-нибудь забыла?

ГАЛИНА. Нет, я вернулась, чтобы... Я хочу сказать тебе правду. Я уезжаю насовсем.

ЗИЛОВ. Насовсем?

ГАЛИНА. Да.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. "Насовсем" - это как понимать? Навеки, навсегда, так, что ли?

ГАЛИНА. Так... Навеки, навсегда.

ЗИЛОВ. Ты это серьезно?

Маленькая пауза.

И давно ты это надумала?

ГАЛИНА. Да.

ЗИЛОВ. Выходит, ты могла уехать - и ни слова?

ГАЛИНА. Не смогла, как видишь...

ЗИЛОВ. И ты уверена...

ГАЛИНА (перебивает). Меня ждет такси. Прощай.

ЗИЛОВ. Подожди. Так такие дела на делаются. Собираешься навеки и даже не поинтересуешься, что я об этом думаю.

ГАЛИНА. Прошу тебя, не надо больше никаких разговоров. Зачем? Мы уже все сказали... за шесть лет... Я больше не могу... Прощай.

ЗИЛОВ. Нет, так не пойдет. "Навсегда", "навек", "прощай" - это ты выбрось из головы. Ты едешь на месяц, ровно на месяц.

ГАЛИНА. Я опоздаю на поезд.

ЗИЛОВ. Плевать я хотел на этот поезд. Дай слово, что ты вернешься. Иначе я тебя не пущу. Дай слово и оставь мне адрес, слышишь?

ГАЛИНА. Какой тебе адрес?

ЗИЛОВ. Какой?... Твой, конечно. Адрес твоего дяди, какой еще?

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Я еду не к дяде.

ЗИЛОВ. Что?... Куда же ты едешь? К кому?... К другу детства?

Маленькая пауза.

К нему?

ГАЛИНА. Да.

Маленькая пауза.

Зилов (закипает). Так вот оно что...

ГАЛИНА. Брось. Хватит тебе прикидываться. Куда я еду, к кому - тебе это все равно. И не делай вида, что тебя это волнует. Тебя давно уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело. Совсем нет сердца...

Зилов (трясет ее). А у тебя, дрянь такая, у тебя есть сердце? А? Где оно? Где оно, я тебя спрашиваю? Покажи мне его, если оно у тебя есть!

ГАЛИНА. Пусти меня... Пусти.

ЗИЛОВ. Ах, ты торопишься... Я понимаю, тебе не терпится наставить мне рога... Ну уж нет, Черт возьми! (Ташит ее в другую комнату.) Не так-то это просто! (В другой комнате усадил ее на стул.) Сядь и не шевелись! Шлюха! (Выходит на балкон, кричит.) Эй, шеф!.. Шеф!.. Эй! Будьте любезны, позовите водителя!..

Галина сидит, опустив голову.

Когда появится, скажите ему, чтобы поднялся на пятый этаж... Будьте любезны...

Галина вдруг поднимается и выходит в первую комнату.

И пусть прихватит чемодан!.. Спасибо!.. (Оборачивается, бежит к двери, но в это время Галина закрыла ее на ключ.) Открой! (Стучит.) Открой немедленно! (Разбегается, ударил дверь плечом. Безуспешно.) Открой!.. Открой - хуже будет!..

Галина, опустившись перед дверью на пол, плачет.

(Мгновение постоял молча.) Открой, добром тебя прошу... Не доводи меня, пожалуйста...

Галина плачет громче.

(Некоторое время стучит, потом перестает стучать. Постоял молча.) Ну ладно, открой. Я тебя не трону... А этого друга, слышишь, я его убью... Открывай!.. Никуда ты не уйдешь... Это просто немыслимо.

Галина поднялась, вытерла слезы.

Не забывай, ты моя жена... Когда я услышал от тебя такое - удивляюсь, как я тебя не задушил. (Помолчал.) Послушай! Я хочу поговорить с тобой откровенно. Мы давно не говорили откровенно - вот в чем беда...

Галина тихо уходит.

(Искренне и страстно.) Я сам виноват, я знаю. Я сам довел тебя до этого... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю... Не знаю... Неужели у меня нет сердца?.. Да, да, у меня нет ничего - только ты, сегодня я это понял, ты слышишь? Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины?.. Да, они были, но зачем? Они мне не нужны, поверь мне... А что еще? Работа моя, что ли! Боже мой! Да пойми ты меня, разве можно все это принимать близко к сердцу! Я один, один, ничего у меня в жизни нет, кроме тебя. Помоги мне! Без тебя мне крышка... Уедем куда-нибудь! Начнем сначала, уж не такие мы старые...

Появляется Ирина.

Ты меня слышишь?..

Ирина останавливается.

Слышишь?

ИРИНА. Да...

ЗИЛОВ. Я возьму тебя на охоту. Хочешь?

ИРИНА. Хочу.

ЗИЛОВ. Вот и прекрасно... Знаешь, что ты там увидишь?.. Такое тебе и не снилось, клянусь тебе. Только там и чувствуешь себя человеком. Я повезу тебя на лодке, слышишь? Ведь ты ее даже не видела. Я повезу тебя на тот берег, ты хочешь?

ИРИНА. Да... (Она, проникаясь его волнением, стоит перед дверью, не шелохнувшись.)

ЗИЛОВ. Но, учти, мы поднимемся рано, еще до рассвета. Ты увидишь, какой там туман - мы поплывем, как во сне, неизвестно куда. А когда подымается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночь? Боже мой! Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет... И уток ты увидишь. Обязательно. Конечно, стрелок я неважный, но разве в этом дело?.. На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему?.. Потому что я тебя люблю... Ты слышишь?.. Ну! открой же меня!

ИРИНА. Открыть?.. Разве ты закрыт?

Зилов толкнул дверь.

В самом деле. (Повернула ключ.)

Зилов распахнул дверь. Пауза. Зилов поражен, растерян.

Что ты так на меня смотришь?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Черт возьми!.. Ты просто королева!.. Какое платье! Чудо! Где ты его взяла?

ИРИНА. Это?.. Но оно старое... Я вчера была в нем и позавчера...

ЗИЛОВ. Не может быть... Все равно, сегодня ты особенная... Такую я тебя еще ни разу не видел.

ИРИНА (рада). Это правда?.. А кто тебя закрыл?

ЗИЛОВ. Закрыл?.. Ах, закрыл! Сосед... Взрослый человек и все придуривается.

ИРИНА. Ты в самом деле так меня любишь?

ЗИЛОВ. Как?

ИРИНА. Так, как ты сейчас говорил.

ЗИЛОВ (обнимает ее). Ты что, сомневаешься?

ИРИНА. Нет... Как ты меня узнал? Неужели ты знаешь мои шаги?

ЗИЛОВ. Конечно.

ИРИНА (она счастлива). Даже не верится...

ЗИЛОВ. Ну почему же? Я тебя ждал... Но если признаться честно, я увидел тебя с балкона.

ИРИНА. А твоя охота, она далеко?

ЗИЛОВ. Что?.. Да, да, очень далеко. Безумно далеко.

ИРИНА. Отец тоже брал меня на охоту... Я поеду с тобой, что бы ни было. Поступлю или нет - все равно. А когда?

ЗИЛОВ. Что - когда?

ИРИНА. Когда мы поедem на охоту?

Зилов вдруг начинает смеяться.

Почему ты смеешься?

Он смеется, не может ответить.

Что с тобой?.. Почему ты смеешься?

ЗИЛОВ (сквозь смех). Нет, нет... Не обращай внимания. Это я так... Вспомнил кое-что... Сейчас... Сейчас... (Перестал смеяться.) Ну вот и все.

ИРИНА (испуганно). Ты не надо мной смеялся?

ЗИЛОВ. Ну что ты. Конечно нет. Просто я вспомнил... Вспомнил один анекдот. Вчера в конторе рассказали. Неожиданно вспомнил. Бывает же так.

ИРИНА. Расскажи.

ЗИЛОВ. Что рассказать?

ИРИНА. Анекдот расскажи.

ЗИЛОВ. Да не стоит.

ИРИНА. Нет, расскажи.

ЗИЛОВ. Ну хорошо... Муж уехал в командировку... Или нет, жена уехала в командировку... Да ну его к черту!

ИРИНА. Нет, расскажи.

Зилов качает головой: нет.

Но почему?

ЗИЛОВ. Тебе нельзя. Этот анекдот нехороший. Мерзкий анекдот.

ИРИНА. Когда же мы поедem на охоту?

ЗИЛОВ. Скоро. Скоро поедem.

Затемнение. Из темноты слышны телефонные звонки. Зажигается свет. Зилов сидит у телефона. Телефон звонит.

ЗИЛОВ (очнувшись, хватая трубку). Да... Да... Что? Взяла документы?.. Не прошла по конкурсу - вы это точно знаете?.. Минутку! Когда она взяла

документы?... Ясно... Нет, минутку! У меня к вам большая просьба... Скажите, вы ее знаете?... Так вот, если случайно она еще к вам зайдет, передайте ей... ну вдруг!.. Передайте ей, что звонил Зилов... Зилов. И что он умоляет ему позвонить... Да, умоляет. Так и передайте... (Положил трубку.) Уехала...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Зиловых. На столе огромный рюкзак и ружье в брезентовом чехле. За окном по-прежнему дождь.

Зилов разговаривает по телефону. Сейчас он в свитере, в широких брюках, босой, на голове у него кепка. На тахте лежит телогрейка, на полу – охотничьи сапоги.

ЗИЛОВ. Нет, больше не могу... Знаешь, Дима, я плохой охотник, но, видит бог, я неплохой товарищ, я бы не стал, как ты... Нет, ждать не буду... Не могу... Ладно, бог с тобой и с твоим мотоциклом... Да, прямо сейчас... Да, по дождю... Как-нибудь... До Ключей автобусом, а там пешком... Да так. Не знаешь, как ходят пешком?... Правильно, значит, ты еще не забыл... Что?... Лодка?... Как всегда – пожалуйста... Ну моя, ну и что из этого? Попролам, как обычно... Да нет, лодки мне не жалко, зря беспокоишься... Минутку, Дима, минутку!.. Я хотел тебя спросить... спросить... подожди... Да! Слушай, не ты ли это двинул мне вчера по скуле?... Да вот никак не вспомню... Да нет, при чем тут подозрения, просто спрашиваю... Ну если б знал, не спрашивал бы... Ну извини, не придавай этому значения... Да так, интересно все-таки... Ладно, извини еще раз – не обижайся... Ладно, там увидимся... Увидимся... Привет. (Положил трубку. Собирается. Сел, натягивает сапоги.)

Стук в дверь.

Да!

Голос за дверью: "Телеграмма".

(Поднимается, выходит в прихожую, возвращается, развернул телеграмму, читает ее вслух.) "Дорогой Алик... Выражаем глубочайшее соболезнование по поводу преждевременной кончины нашего лучшего друга Зилова Виктора Александровича... Группа товарищей..." (Пауза.) Группа товарищей... Ну-ну... (Медленно рвет телеграмму.)

Звучит музыка – причудливое чередование траурной мелодии с ее веселой вариацией. В темноте круг поворачивается. Свет зажигается, музыка умолкает, начинается воспоминание последнее. Кафе "Незабудка". Сдвинуты два стола. Зилов и официант. Официант накрывает на стол. Зилов сидит во главе стола. Он в черном костюме, торжественный и возбужденный.

ЗИЛОВ. Ну так... И пару шампанского. А как же? Праздник у нас или нет?

ОФИЦИАНТ. Сколько будет человек?

ЗИЛОВ. Семь. Семь персон.

ОФИЦИАНТ. Кто да кто?

ЗИЛОВ. Все те же. Друзья! А кто еще?... Откровенно говоря, я и видеть-то их не желаю.

ОФИЦИАНТ. Поссорился?

ЗИЛОВ. Поссорился?... Вроде бы да... А может, и нет... Да разве у нас

разберешь?... Ну вот мы с тобой друзья. Друзья и друзья, а я, допустим, беру и продаю тебя за копейку. Потом мы встречаемся и я тебе говорю: "Старик, говорю, у меня завелась копейка, пойдём со мной, я тебя люблю и хочу с тобой выпить". И ты идёшь со мной, выпиваешь. Потом мы с тобой обнимаемся, целуемся, хотя ты прекрасно знаешь, откуда у меня эта копейка. Но ты идёшь со мной, потому что тебе все до лампочки, и откуда взялась моя копейка, на это тебе тоже наплевать... А завтра ты встречаешь меня – и все сначала... Вот ведь как. А ты говоришь поссорился... Просто я не желаю их видеть.

ОФИЦИАНТ. Тогда зачем ты их пригласил?

ЗИЛОВ. Да так, для души.

ОФИЦИАНТ. Не понимаю.

ЗИЛОВ. Для полноты счастья. Сам подумай, какая разница: сегодня я гляжу на эти рожи, а завтра я на охоте.

ОФИЦИАНТ. Чудишь, старичок...

ЗИЛОВ. Завтра мы отправимся пораньше, верно? Часиков бы в шесть, а, Дима?... Если выедем рано, к вечеру будем на месте.

ОФИЦИАНТ. Успеём. Официально охота разрешается послезавтра.

ЗИЛОВ. В том-то и дело. Значит, завтра надо быть там. А как же? Иначе мы пропустим первое утро.

ОФИЦИАНТ. Не волнуйся, мы успеём.

ЗИЛОВ. Черт возьми! Какие-то сутки – и мы с тобой уже в лодке, а? В тишине. В тумане. Выпей, Дима. Выпей за первое утро.

ОФИЦИАНТ. Витя, не уговаривай. Я на работе.

ЗИЛОВ. Да ведь последний вечер. Считай, что уже в отпуске.

ОФИЦИАНТ. Я сказал: нет. Мне отчитываться, деньги сдавать, и вообще ты мой закон знаешь.

ЗИЛОВ. Да наплюй ты на свой закон. (Подает официанту стакан.) Одну. За первое утро.

ОФИЦИАНТ. Ни одной. Завтра – пожалуйста. Хоть сто порций.

ЗИЛОВ. Ладно... Говоря по совести, этот кабак мне опротивел. Мы не увидим его целый месяц. И слава богу... Итак, за утиную охоту. (Выпивает.) У меня предчувствие, что на этот раз мне повезет.

ОФИЦИАНТ. Предчувствия – побоку. Если не можешь стрелять, предчувствия не помогут. Как мазал, так и будешь.

ЗИЛОВ. Дима, ну сколько я могу мазать? Неужели и в этот раз?

ОФИЦИАНТ. Витя, я тебе сто раз объясняю: будешь мазать до тех пор, пока не успокоишься.

ЗИЛОВ. Да что это такое? "Не волнуйся", "успокойся"! Дима, шутишь ты надо мной, что ли? Я понимаю, нужен глаз, рука, как у тебя...

ОФИЦИАНТ. Витя, глаз у тебя на месте, и рука нормальная, и все ты понимаешь, но как дойдет до дела – ты не стрелок. А почему? Потому что в охоте главное – это как к ней подходить. Спокойно или нет. С нервами или без нервов... Ну вот сели на воду, ты что делаешь?

Зилов (поднялся). Как – что я делаю?

ОФИЦИАНТ (перебивает). Ну вот. Ты уже вскакиваешь, а зачем? Ведь это все как делается? Спокойно, ровненько, аккуратненько, не спеша.

ЗИЛОВ. А влет? Тоже не спеша?

ОФИЦИАНТ. Зачем? Влет бей быстро, но опять же полное равнодушие... Как сказать... Ну так, вроде бы они летят не в природе, а на картинке.

ЗИЛОВ. Но они не на картинке. Они-то все-таки живые.

ОФИЦИАНТ. Живые они для того, кто мажет. А кто попадает, для того они уже мертвые. Соображаешь?

Зилов (легкомысленно). Ясно... Выпью-ка я еще. За то, чтоб не волноваться. (Выпивает.) На этот раз все будет вот так. (Показывает большой палец.) Ты увидишь...

ОФИЦИАНТ (насмешливо). Ну посмотрим... Только бы погода не испортилась.

ЗИЛОВ. Не может быть. Упаси боже...

Маленькая пауза.

ОФИЦИАНТ. Витя, у тебя, кажется, жена уехала? Точно?... Говорят, ты остался один?

ЗИЛОВ. А что? Ты насчет ключа?... Я не один. Я живу с невестой.

ОФИЦИАНТ. С невестой? (Ухмыльнулся.) Неплохо сказано...

ЗИЛОВ (вдруг с раздражением). А что ты ухмыляешься? Может, ты с ней спал?

ОФИЦИАНТ (озадачен). Да нет... Чего это ты?

ЗИЛОВ. Я ничего. А ты не ухмыляйся, когда не следует... Невеста как невеста. Я на ней женюсь, понял?

ОФИЦИАНТ. Разве я против?... (Закончил работу, шагнул назад, одновременно взмахнул салфеткой.) Порядок.

ЗИЛОВ. Ты вот что. (Вынимает деньги, дает их официанту.) Ты неси сюда еще пару бутылочек. Раз в году могу я раскрутиться? Имею право?

ОФИЦИАНТ. Конечно, Витя. Хозяин – барин. Как обычно.

Появляются Вера и Кузаков. В руках у Веры несколько астр.

КУЗАКОВ. Привет, алики!

ЗИЛОВ. Привет, привет...

ОФИЦИАНТ. Привет.

ЗИЛОВ. Присаживайтесь.

ВЕРА (о Зиллове). Смотрите, какой он сегодня шикарный.

КУЗАКОВ. Красавчик.

ВЕРА. Именинник.

КУЗАКОВ. Принц.

ЗИЛОВ. Ладно, не болтайте. Садитесь за стол.

ВЕРА (передает цветы официанту). Алик, будь добр, поставь их в вазу.

ОФИЦИАНТ (насмешливо). Слушаюсь. (Уходит.)

КУЗАКОВ (Вере об официанте). Ты с ним знакома?

ВЕРА. Знакома, к сожалению.

ЗИЛОВ. Ты лучше спроси, с кем она не знакома.

КУЗАКОВ. Он мне не нравится.

ВЕРА. Мне тоже, Коля. Но делать вид, что я его не знаю, зачем?

ЗИЛОВ. Бросьте, он отличный парень. (Кузакову.) А ты, кажется, ее ревнуешь?

КУЗАКОВ (привлек Веру к себе). Ты прав – ревную.

ВЕРА. А что в этом плохого? (Слегка обнимает Кузакова.)

ЗИЛОВ. Какие нежности, черт возьми... (Кузакову, насмешливо.) Слушай, ты на ней женись.

КУЗАКОВ. Знаешь, я так и сделаю.

ЗИЛОВ (удивленно). Серьезно?

КУЗАКОВ. А ты что-нибудь имеешь против?

ЗИЛОВ (насмешливо). Я против?... Ну что ты. Наоборот. Благословляю.

Появляются Валерия, Саяпин и Кушак.

САЯПИН. Привет, алики!

Все поздоровались. Официант принес цветы, вино и удалился.

ЗИЛОВ. Милости прошу к столу. Рассаживайтесь. Сюда, Вадим Андреевич.

КУШАК. Да, пожалуй, я сяду здесь. (Садится рядом с Зилловым.) Рядом с отпусником.

ЗИЛОВ. Ну вот, все в сборе. Сейчас придет моя невеста... (Ждет замечаний.)

ВАЛЕРИЯ. Невеста?

ЗИЛОВ. А что?... Может, вас это не устраивает?

ВАЛЕРИЯ. Ну, во всяком случае, - новость...

ВЕРА. У тебя невеста?

ЗИЛОВ. Да, невеста. Если уж у тебя есть жених, то почему бы...

Валерия (перебивает). Ну хорошо, хорошо. Невеста так невеста. Но мне кажется, если ты нас пригласил, то мог бы не пить заранее. Мог бы воздержаться.

ЗИЛОВ. Так вот. Сейчас придет моя невеста и мы будем выпивать. Давненько мы с вами не выпивали, а, Вадим Андреич?

КУШАК (ему явно не по себе). В самом деле... (Озирается.) Но ведь я по этой части не особенно...

ЗИЛОВ. Ничего не известно. По-моему, вы пьете дома. По ночам.

ВАЛЕРИЯ. Какая глупость. Вадим Андреич - единственный здесь мужчина, которого нельзя назвать пьяницей.

САЯПИН. Братцы! Что я вижу! Гляньте на стол!

ЗИЛОВ. В чем дело?

САЯПИН. Крабы!

ВАЛЕРИЯ. Крабы?... Красота! Роскошь!

КУШАК. Действительно, крабы теперь большая редкость.

ВЕРА. А мне они не нравятся.

ЗИЛОВ. Это потому, что ты их никогда не пробовала.

КУШАК. А вот любопытная вещь. Лет пятнадцать назад в магазинах крабами были забиты все полки. Представьте, никто не брал.

ВАЛЕРИЯ. Не понимали.

САЯПИН. Тогда многого не понимали. Жили как папуасы.

ЗИЛОВ. Ну а теперь?

САЯПИН. Что теперь? Теперь другое дело. Узнали, что почем, разобрались.

ЗИЛОВ. Не говори. Теперь все дураки стали умными.

КУШАК. М-м... Друзья, к чему этот разговор?

САЯПИН. Да, не будем вдаваться в политику. Кому это надо?

Появляется Ирина. Она веселая, в светлом платье.

ИРИНА. Добрый вечер. Все поздоровались.

ЗИЛОВ (довольно мрачно). Где ты была?

Его тон сразу же сбивает с Ирины веселость. Она молчит.

Ладно. Иди сюда.

Ирина подходит.

(Всем.) Вот. Прошу любить и жаловать. Ее зовут Ирина. (Ирине.) Знакомься. Это вот Вадим Андреич.

КУШАК. Очень приятно.

ЗИЛОВ. Мой шеф. Руководитель, стало быть. Большой либерал.

Ирина слегка кланяется всем поочередно.

(Церемонными жестами представляет ей своих друзей) Саяпин. Тоже крупный деятель... Его боевая подруга. Дальше... Кузаков. Жених, как я только что выяснил... (О Вере.) А это... ты сама видишь. Тоже, оказывается, невеста... Все они мои лучшие друзья.

ИРИНА (мягко). Я очень рада.

ЗИЛОВ. Они тоже очень рады. (Всем.) Или вы недовольны?

Маленькая пауза. Саяпин не удержался, прыснул.

Все довольны? Я так и думал. А теперь давайте выпьем. За утиную охоту.

Маленькая пауза. Зилов выпивает один.

КУЗАКОВ (насмешливо). Ну и как? Хорошо прошла?

ЗИЛОВ. Замечательно.

КУЗАКОВ. Ты что же, пригласил нас посмотреть, как ты наливаешься?

ЗИЛОВ. Нет, зачем же. Я вас пригласил, чтобы посмотреть на трезвых людей.

ВАЛЕРИЯ. И долго ты намерен на нас смотреть?

ЗИЛОВ. Уже налюбовался. Можете выпить. За охоту. Предупреждаю, пить вы сегодня будете только за охоту. Исключительно.

Маленькая пауза.

КУШАК (осторожно). Я понимаю, Виктор, охота – это твоё хобби, но...

ЗИЛОВ (перебивает). Какое ещё к черту хобби? Охота она и есть охота. (Фыркнул.) Хобби! Чем говорить такие пошлости, выпьем-ка лучше за открытие сезона.

ВАЛЕРИЯ (Зилову). Послушай, со своей охотой ты совсем помешался.

КУШАК. В самом деле, Виктор. Я полагаю, здесь у каждого есть свои увлечения, нельзя же так, ведь мы твои гости...

ЗИЛОВ. Ерунда. Вы будете пить за охоту – и никаких. А если нет, то зачем вы здесь собрались?

Несмотря на выпитое, Зилов пока ещё в трезвом уме и твердой памяти.

КУЗАКОВ. Не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы мы ушли?

САЯПИН. Да нет! Витя шутит. Как всегда. Вы что, его не знаете?

ЗИЛОВ (Ирине). Ты только посмотри на эту компанию. Посмотри, какие они все серьёзные. Они не выпивают, не закусывают. У них совсем другое на уме. Они пришли учить меня жить.

ВЕРА. Мне это уже надоело.

ЗИЛОВ. Надоело? Ну конечно! Ты ведь не привыкла к длинным разговорам.

ИРИНА (она растеряна, негромко, Зилову). Перестань...

ЗИЛОВ. Подожди! Ты их не знаешь. Это такие порядочные люди, что им просто стыдно сидеть со мной за одним столом. (Вере.) Не правда ли, Верочка? Признайся, что ты умираешь от стыда. Ты ведь у нас невеста. (Смеется.)

КУЗАКОВ (поднимается). Слушай! Сколько я тебя знаю, ты всегда был мелким шкодником. Что случилось? На этот раз, я вижу, ты размахнулся не на шутку. Чего доброго, ты устроишь здесь настоящий скандал.

ВЕРА. А мы будем ждать? А может, лучше пойдем отсюда?

ЗИЛОВ. Нет, зачем же? Не торопитесь, дайте нам на вас полюбоваться. Вы – такая замечательная пара. Вас же надо по телевизору показывать. Особенно невесту.

КУЗАКОВ. Ты ещё не наговорился?

ЗИЛОВ. Невеста! Вы меня не смешите. Спросите-ка её, с кем она здесь не спала.

ИРИНА. Виктор!

Кузаков поднимается и направляется к Зилову. Саяпин поднимается и приближается к Зилову с другой стороны.

ВЕРА (вскакивает и кричит). Не трогайте его!

Кузаков и Саяпин останавливаются. Маленькая пауза.

Не будете же вы бить пьяного... И потом он... Он говорит правду.

ВАЛЕРИЯ (Вере). Да как вы можете! Да он совсем обнаглел. Ему кажется, что он уже на болоте со своей двустволкой!

КУШАК (Зилову). Виктор! Ты забываешься. Ты не в лесу. В конце концов, здесь общественное место, семейные люди, девушки...

ЗИЛОВ. Ах да! Конечно! Семья, друг семьи, невеста – прошу прощения!.. (Мрачно.) Перестаньте. Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия?.. Так вот, плевать я хотел на ваши приличия. Слышите? Ваши приличия мне опротивели.

ИРИНА (трясет Зилова). Виктор!..

КУШАК (негодует). Ну знаешь ли! Я далеко не ханжа, но это уже слишком! (Поднимается.)

ЗИЛОВ (Кушаку). Ну конечно! Вы пришли провести вечер – тихо, благородно, и вдруг такое безобразие. Так, что ли? Зачем вы пришли, скажите-ка лучше откровенно. Ну зачем?.. Молчите? А я вам скажу, зачем вы сюда пришли. Вам нужна девочка – вот зачем вы сюда пожаловали.

КУШАК. Прекратите, хулиган!

ИРИНА. Виктор!

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ. Витя, не шуми, старик, шуметь не разрешается...

ЗИЛОВ (вырывается. Всем). Хватит вам валять дурака! Сколько можно! Нужна девочка – так и скажите.

ВАЛЕРИЯ. Хам да и только.

ЗИЛОВ (Кушаку). Нужна, ну и пожалуйста! Выбирай любую. Хоть ту (показывает на Веру), хоть эту (показывает на Валерию), вы же друг семьи, так в чем же дело? Он (показывает на Саяпина) вам уступит. С удовольствием!

ИРИНА (трясет Зилова). Замолчи! Или я уйду.

Валерия. Хам! (Саяпину.) Чего стоишь? Не слышишь, нас оскорбляют!

Саяпин направляется к Зилову, но официант его останавливает.

ОФИЦИАНТ. Спокойно... У нас не разрешается.

ЗИЛОВ (Кушаку). Ну что же вы? Выбирайте!

ИРИНА (с отчаянием). Я уйду, ты слышишь!

ВАЛЕРИЯ. Хам! (Кушаку и Саяпину.) Идемте отсюда!

Валерия, Кушак и Саяпин направляются к выходу. Вера и Кузаков за ними.

ЗИЛОВ (кричит). Пойдите!

Уходящие останавливаются.

(Хватает Ирину за руку и быстро выводит ее из за стола.) Вот вам еще! Еще одна! Хватайте!

ИРИНА (кричит). Виктор!

ЗИЛОВ. Рекомендую! Восемнадцать лет! Прелестное создание! Невеста! Ну! Что же вы растерялись? Думаете, ничего не выйдет? Ерунда! Поверьте мне, это делается запросто!

ОФИЦИАНТ. Спокойно, спокойно... (Оттесняет Зилова к столу.)

Ирина смотрит на Зилова с ужасом.

КУЗАКОВ (Ирине). Идемте с нами...

ЗИЛОВ. Вот, вот. Возьмите ее с собой и уберите... (Кричит.) Уберите, я вам говорю! Вон отсюда!

ВАЛЕРИЯ (на пороге). Придурок!

САЯПИН. Браконьер!

Кушак, Вера, Кузаков, Валерия и Саяпин уходят. Официант усаживает Зилова за стол. Ирина стоит посреди комнаты. Она как бы в оцепенении.

ЗИЛОВ (вслед уходящим). Вот и прекрасно! Катитесь к чертям собачьим! Знать вас больше не желаю! Подонки!.. Алики! Чтоб вам пусто было! (Наливает себе водки и залпом выпивает. Только сейчас он окончательно пьянеет. Обращаясь к Ирине.) И ты убирайся вместе с ними.

ОФИЦИАНТ. Кого-кого, а девушку ты зря обижаешь. С такой милой девушкой я бы на твоём месте так не разговаривал.

ЗИЛОВ. А ты ещё кто такой?.. Ах, лакей... И ты туда же? Ну и хватай её, если она тебе нужна. Мне плевать... Она такая же дрянь, точно такая же. А нет, так будет дрянью. У неё ещё все впереди...

ОФИЦИАНТ (обращаясь к Ирине, как бы извиняясь за себя и за Зилова). Отключился. Сам не знает, что говорит.

ЗИЛОВ (Ирине). Что ты так на меня уставилась? Что тебе от меня надо? (Официанту.) Слушай, ты, лакей! Убери её отсюда. И сам уходи. Я хочу остаться один... Я вам не верю, слышите?..

Ирина медленно, как во сне, идет к выходу и исчезает. Зилов уронил голову на стол.

ОФИЦИАНТ (подходит к Зилову, толкает его в бок, поднимает ему голову). Я – лакей?

ЗИЛОВ (смутно). В чем дело?..

ОФИЦИАНТ. Я спрашиваю: я – лакей?

ЗИЛОВ. Ты?.. Конечно. А кто же ещё?

Официант оглядывается, потом бьет Зилова в лицо. Зилов падает между стульев. Официант без всякого перерыва начинает убирать со стола. Появляются Кузаков и Саяпин.

САЯПИН. Где он?

ОФИЦИАНТ (показывает). Готов. И рогом не шевелит.

САЯПИН. Герой.

КУЗАКОВ (поднимает Зилова, Саяпину). Помоги.

ОФИЦИАНТ. Хорошо, что вы вернулись. Я с ним таскаться не собираюсь. По долгу службы. (Уходит с подносом.)

Кузаков и Саяпин усаживают Зилова на стул и приводят в чувство.

КУЗАКОВ. Очнись, скандалист.

ЗИЛОВ (смутно). В чем дело?

КУЗАКОВ. Пошли домой.

ЗИЛОВ. Домой?.. Зачем? Что я там забыл?.. Нет, домой я не хочу. Никуда не хочу. Я остаюсь здесь. Решено!

САЯПИН (громко, Зилову на ухо). Уже ночь, чучело. Кафе закрывается. Ночь, понимаешь! Ночь!

ЗИЛОВ. Ночь?.. (Вдруг энергично.) Где ночь? Где ты её видишь? Ночью должно быть темно. А это что такое? (Тычет пальцем в открытую дверь, через которую видна освещенная улица.) Что это?.. Разве это ночь? Ну? Светло как днем! Какая же это к черту ночь! Нет, мне все это опротивело... (Вдруг обмяк.)

КУЗАКОВ. Пьян мертвецки... (Зилову.) Ты можешь передвигать ногами?..

ЗИЛОВ. Пока – да... Но сначала выпьем. Выпьем и пойдем... (Вдруг.) Подождите! А где моя невеста?

САЯПИН. Хватился!

ЗИЛОВ. Где моя невеста? Где она? Верните её! Верните! Мы обвенчаемся в

планетарии...

На улице возникает шум и вид начинающегося дождя.

САЯПИН. Дождь пошел.

КУЗАКОВ. А вот мы его по дождичку. Взяли.

Они поднимают Зилова со стула. Он сопротивляется.

ЗИЛОВ. Куда вы меня ведете?

САЯПИН. В планетарий. Сочетаться законным браком.

ЗИЛОВ (уперся). Не хочу.

КУЗАКОВ (Саяпину). Подожди... (Зилову, громко.) Слушай, хулиган! Ты едешь завтра на охоту. Забыл?

ЗИЛОВ. На охоту?... (Воспрянул.) Черт возьми! Вы правы, надо торопиться. (Поднялся, едва не упал.)

Они его подхватили.

КУЗАКОВ. Труп. Берем его под руки.

САЯПИН. Труп?

КУЗАКОВ. Ну да, покойник. Боюсь, что нам придется его нести.

САЯПИН (потирает руки). Покойничек! (Смеется.) У меня блестящая идея! (Смеется.) Завтра мы ему устроим!

КУЗАКОВ. Что устроим?

САЯПИН. Вот такой (показывает большой палец) сюрприз! Он нам устроил сегодня, а мы ему устроим завтра! Покойничек! (Хохочет.) Пошли!

Берут Зилова под руки, уводят. Шум дождя усиливается. Траурная музыка. Секундное затемнение, после чего, как в первой картине, последовательно зажигаются два прожектора. Первым, неярким, освещен Зилов, стоящий у дверей, так, как оставили мы его в начале этой картины. Вторым, ярким прожектором в середине комнаты высвечен круг, на котором сейчас возникнут видения Зилова из первой картины. Теперь эта сценас начала до конца должна сопровождаться траурной музыкой. Поведение лица разговоры, снова возникшие в воображении Зилова, на этот раз должны выглядеть без шутовства и преувеличений, как в его воспоминаниях, то есть так, как если бы все это случилось на самом деле.

Из комнаты, в свет яркого прожектора, являются Кузаков и Саяпин.

САЯПИН. Да нет, что ты. Не может этого быть.

КУЗАКОВ. Факт.

САЯПИН. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что, его не знаешь?

КУЗАКОВ. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

САЯПИН. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в "Незабудке".

Появляются Вера и Валерия, потом Кушак.

ВАЛЕРИЯ. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!

ВЕРА. Такого я от него не ожидала. Он был алик из аликов...

КУШАК. Какое несчастье!.. Я никогда бы этому не поверил, но, знаете ли... Последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но я должен сказать, что он вел себя весьма... мм... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Все исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

ГАЛИНА. Я не верю, не верю, не верю... Зачем он так сделал?

ИРИНА. Зачем?

ГАЛИНА (Ирине). Скажи, он тебя любил?

ИРИНА. Я не знаю...

ГАЛИНА. Мы прожили вместе шесть лет, но я его так и не поняла. (Ирине.)
Мы будем с тобой дружить, хорошо?

ИРИНА. Хорошо.

Обнимаются и обе плачут.

ГАЛИНА. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

ИРИНА (сквозь слезы). Хорошо...

Галина исчезает. Появляются Кушак и официант.

КУШАК (Ирине). Очень, очень приятно...

ОФИЦИАНТ. Девушка, в таком состоянии вам нельзя быть одной.

КУШАК. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

ОФИЦИАНТ. В шесть часов мы ждем вас в "Незабудке". Придете?

ИРИНА (сквозь слезы). Хорошо...

Все исчезают. Появляется Кузаков.

КУЗАКОВ (задумчиво). Кто знает... Если разобраться, жизнь, в сущности, проиграна... (Исчезает.)

В траурном шествии последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Кушак, Ирина, официант. Последним проходит мальчик, несущий венок. Оба прожектора внезапно гаснут, музыка обрывается. Две-три секунды на сцене – темнота.

Сцена освещается. Зилов один в своей комнате. Он стоит перед окном долго и неподвижно. За окном дождь.

Он хотел закрыть окно, но вдруг распахнул его и высунулся на улицу.

ЗИЛОВ (кричит). Витька!.. Куда ты?.. А как уроки?.. Порядок?.. Ну молодец... Что? Не волнуйся, все как надо... Давай... Прощай, Витька... Прощай. (Закрыв окно. Снял с головы кепку, бросил ее на пол. Подошел к телефону, набрал номер.) Дима?.. Знаешь, я не поеду... Да нет, хочу тебя предупредить: я вообще не еду... Раздумал... Да вот раздумал... У меня другие планы... Да, другое место... Нет, что ты. Где мне с тобой тягаться... Слушай, ты чем сейчас занимаешься?.. Да вот хочу тебя пригласить... На поминки... На мои... Да вот надоела. Или я ей надоел. Одно их двух... Короче, я приглашаю тебя на поминки. Ну да, по-соседски... Что, лень перейти улицу?.. Выпить? Конечно, будет. А как же?.. Придешь?.. Все, договорились. (Положил трубку, поднял ее снова, набрал номер.) Мне Саяпина... Привет. Зилов... Да, живой... Получил, спасибо. Очень смешно... И Кузаков там? Отлично... Молодцы. Я умираю со смеху... Конечно... Все правильно, ребята... Ну, так что ж? Приходите на поминки... Ну конечно. Уж доведем это дело до конца... Вот я вам и говорю, приходите на поминки... Как – что делать?.. Выпьете, закусите – как водится... Да, прямо сейчас... Идете?.. Вот и прекрасно. (Положил трубку, уселся за стол, достал бумагу, ручку, что-то написал. Поднялся, взял ружье, вынул его из чехла, собрал, поставил его у стола. Развязал рюкзак, достал из него патронташ, вынул из него патрон, зарядил ружье – все это довольно торопливо. Уселся на стул, ружье поставил на пол, навалился грудью на стволы. Примерился к курку одной рукой, примерился другой. Поставил стул к столу, уселся, ружье устроил так, что стволами оно уперлось ему в грудь, прикладом – в стол. Отставил ружье, стянул с правой ноги сапог, снял носок, снова устроил ружье между грудью и столом. Большим пальцем ноги нашупал курок...)

Раздается телефонный звонок. Он сидит неподвижно. Телефон звонит настойчиво и долго.

Он поднимается и быстро подходит к телефону. Снимает трубку. Трубка у него в одной руке, в другой – ружье.

Да... Говорите, я вас слушаю... Говорите!.. (Чрезвычайно взволнованно.) Кто это?... Послушайте, мне не до шуток...

В дверях появляются Кузаков и Саяпин. Они появляются без стука. Вид Зилова с ружьем, в одном сапоге, тон его разговора их настораживает, и они, остановившись в дверях, ничем не выдают своего присутствия. Зилов стоит к ним спиной.

Кто это?... Кто звонит? Отвечайте! (Мгновение держит трубку перед глазами, снова подносит ее к уху, затем руку с трубкой медленно опускает вниз.)

Так с ружьем и трубкой в руках некоторое время он стоит у телефона.

Не глядя бросает трубку мимо телефона. Возвращается к столу, устанавливает на должном расстоянии сдвинутый недавно стул, и как только он на него усаживается, Кузаков набрасывается на него сзади и выхватывает из его рук ружье. Зилов вскакивает. Небольшая пауза.

Дай сюда! (Бросается к Кузакову.)

Борьба.

САЯПИН. Витя... Витя... Что с тобой?

Вдвоем они его одолели и усадили на тахту.

КУЗАКОВ (с ружьем в руках). Псих. Нашел себе игрушку.

ЗИЛОВ (тяжело дышит). Нахалы...

САЯПИН. И мы же – нахалы!

ЗИЛОВ. Стучаться надо, черт вас возьми!

САЯПИН. Озверел. (Взял со стола записку, читает ее вслух.) "В моей смерти прошу никого не винить..." Витя, да ты что, старик? С ума ты сошел, что ли!

КУЗАКОВ (переломил ружье, вынул патрон, разглядывает его). Ты и в самом деле спятил.

САЯПИН (взял патрон, спрятал его в карман, Зилову). Да за такие вещи... (Кузакову.) А если бы мы пошли пешком, а? Что тогда? (Зилову.) Неужели бы ты...

ЗИЛОВ. Вы пришли раньше времени. Уходите.

КУЗАКОВ. Никуда мы не уйдем.

Саяпин (садится). Мы тут у тебя посидим. Отдохнем, перекурим. Верно, Коля?... Ну, дела. (Кузакову.) А ты еще говоришь, пойдем пешком. А я гляжу – такси, нет, говорю, давай прокатимся, как будто чувствовал.

Кузаков (Зилову). Опомнись, милый мой, возьми себя в руки... Обуйся. Для начала.

Пауза.

ЗИЛОВ. Уходите.

КУЗАКОВ. Никуда мы не уйдем, даже не думай.

ЗИЛОВ. Ну как хотите. Мне торопиться некуда.

КУЗАКОВ. Что случилось? Ты что, жизнь тебе не дорога?

ЗИЛОВ. Только не надо меня уговаривать. Напрасный труд. Это дело я доведу до конца.

К этому времени в комнате чуть светлеет, и на полоске неба, видимой в окно, появляются редкие проблески синевы.

КУЗАКОВ (подходит к телефону, поднимает трубку, набирает номер). Магазин?... Веру позовите к телефону... Вера?... Ты меня не теряй, я задержусь... Непредвиденное обстоятельство... Когда? Точно не знаю. Будь дома, хорошо?... Счастливо. (Положил трубку.)

САЯПИН. Витя, может, ты из-за венка расстроился, а?... Витя?... Неужели ты на нас обиделся?

ЗИЛОВ. Какого черта вы полезли в такси? Кто вас просил? Вы что, не могли пешком пройти четыре квартала?

КУЗАКОВ. Да что же все-таки случилось? В чем дело?... Чем ты недоволен? Чего тебе не хватает? Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся. Чего тебе еще надо?

ЗИЛОВ. Мне надо, чтобы вы ушли.

САЯПИН. Витя, ты что говоришь, соображаешь? Ведь мы же твои друзья, как же мы можем уйти? Покинуть тебя в такую минуту! Да ты что?

ЗИЛОВ. Это дело я доведу до конца. И никто, черт вас подери, ни одна душа на свете мне не помешает. Вам ясно?... Все.

Пауза.

САЯПИН. Ребята, что же вы молчите?... Поговорим о чем-нибудь, а?

Маленькая пауза.

(Простодушно.) Витя, ты замечаешь, у тебя полы рассыхаются. Придется ремонтировать. (Поднимается, подходит к кухонной перегородке и стучит по ней.) Картон... Картон и штукатурка. Халтура... Плохо дома стали делать... (Подходит к другой перегородке.)

Зилов наблюдает за ним с возрастающим любопытством.

А тут? (Стучит.) То же самое... Небольшая пауза.

ЗИЛОВ. Ну, ну. Что же ты остановился? Давай, дружище, продолжай. Пройдись по комнатам, прикинь, что куда поставить.

САЯПИН. Витя! Да ты что! Неужели ты думаешь, что я претендую...

ЗИЛОВ. Претендуешь? Нет, старина, ты не претендуешь, ты пришел сюда за ключами. Так вот они. (Вынул из кармана ключи, бросил их Саяпину.) Бери... Бери, не стесняйся.

САЯПИН. Старик, ты с ума сошел!

КУЗАКОВ. Перестань, ты его не так понял.

САЯПИН. Да за кого ты нас принимаешь!

ЗИЛОВ. Бросьте, ребята, не будем сентиментальничать, чего уж тут. Признавайтесь, вам обоим это на руку. Разве нет?... Так в чем же дело? Какого же черта вы здесь ждете? Дайте сюда ружье и уходите. Пока я не передумал.

КУЗАКОВ. Чего ты мелешь, опомнись. Кому она нужна, твоя смерть, подумай сам. Ему она нужна?... Мне?... Да и тебе она не нужна. А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает?... И не суди по себе, не думай о людях скверно.

ЗИЛОВ. Ладно, хватит. (Саяпину.) Толя, гони этого праведника из своей квартиры.

САЯПИН. Почему же, я разделяю...

КУЗАКОВ. А что касается венка, я готов просить у тебя прощения.

ЗИЛОВ. Замолчи, я тебе не верю.

КУЗАКОВ. Я в этом и не участвовал, но о венке я знал, и раз он здесь, значит, и я тут виноват.

ЗИЛОВ. Не верю я тебе. Не верю. Ты понял?... Вот и уходи.

КУЗАКОВ. Не уйду. Я не уйду отсюда, пока это твое глупое самоубийство, эта дурь не выйдет у тебя из головы.

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ. Привет... Чего базарите?

САЯПИН. Вот, вот. Хорошо, что ты пришел. Ты посмотри на него и послушай, что он тут себе позволяет.

ОФИЦИАНТ. А где же поминки?

ЗИЛОВ. Видишь ли, я не успел как следует подготовиться.

ОФИЦИАНТ. А где выпивка?

ЗИЛОВ. К тому же я здесь уже не хозяин.

Саяпин (официанту, показывает пальцем у головы). Не видишь? Взгляни. (Передает официанту записку Зилова.) И скажи ему пару слов...

ОФИЦИАНТ (читает). "В моей смерти прошу никого не винить..."

САЯПИН. Одна попытка уже была. На наших глазах.

ОФИЦИАНТ. Да?

КУЗАКОВ. В самом деле.

САЯПИН. Вот. (Протягивает официанту патрон.) Из ружья.

ОФИЦИАНТ (разглядывает патрон). Картечь... А пистоны у тебя ненадежные. Замени на простые, они безотказные.

ЗИЛОВ. Спасибо за совет.

ОФИЦИАНТ (присаживается). Смени обязательно. Дождь кончился. (Взял в руки ружье.) Через часок (переломил ружье) можно будет (играючи, двумя движениями зарядил ружье) отправляться. Понял? Кончай базар, через час я подъеду.

ЗИЛОВ. Никуда я не еду. Я тебе уже сказал. (Кузакову и Саяпину.) Не беспокойтесь, ваше дело верное.

САЯПИН. Витя! Хватит сходить с ума! Собирайся на охоту.

КУЗАКОВ. Обувайся. (Взял в руки рюкзак.) Одевай рюкзак. (Саяпину и официанту.) Выведем его на улицу.

Кузаков и Саяпин подступают к Зилкову.

ЗИЛОВ. Не трогайте меня. Не прикасайтесь.

ОФИЦИАНТ. Короче. Будешь шизовать или поедешь на охоту?

ЗИЛОВ. Никуда я не поеду.

ОФИЦИАНТ. Ну что тебе сказать?... Дурак. Больше ничего не скажешь. (Поднимается.)

САЯПИН. Ты что, уходишь?

ОФИЦИАНТ. А что я могу сделать? Ничего. Сам должен соображать.

ЗИЛОВ. Правильно, Дима. Ты жуткий парень, Дима, но ты мне больше нравишься. Ты хоть не ломаешься, как эти... Дай руку...

Официант и Зилов жмут друг другу руки. Кланяйся там...

ОФИЦИАНТ. Ну пока, Витя. Жалко, что мы не едем вместе. Не вовремя ты расстроился... А то смотри, лучше будет - приезжай...

ЗИЛОВ. Ладно, Дима, прощай.

ОФИЦИАНТ. Подожди, а где твоя лодка?

ЗИЛОВ. Лодка у Хромого.

ОФИЦИАНТ. В сарае?

ЗИЛОВ. Да, в сарае.

ОФИЦИАНТ. Значит, я...

Зилов (хрипло). Бери.

ОФИЦИАНТ. Спасибо, Витя. А если что...

ЗИЛОВ (голос его дрогнул). Считаю, что она твоя... Берите... Все берите...

САЯПИН. Витя, ну что ты говоришь...

ЗИЛОВ. Вы все уже поделили. Вы рады моей смерти. Рады!

КУЗАКОВ. Врешь!

ЗИЛОВ (вдруг со злобой). Я еще жив, а вы уже тут? Уже слетелись? Своего вам мало? Мало вам на земле места?... Крохоборы!

Он бросается на них. Борьба.

КУЗАКОВ. Врешь... Врешь... Врешь...

ОФИЦИАНТ. Спокойно... Возьми себя в руки!... Ты можешь взять себя в руки?

ЗИЛОВ (вдруг перестает сопротивляться). Могу... (Спокойно.) Я могу... Но теперь вы у меня ничего не получите. Ничего. (Неожиданно берет у Саяпина ружье и отступает на шаг.) Вон отсюда.

Небольшая пауза.

ОФИЦИАНТ (удивленно). Серьезно?

ЗИЛОВ (спокойно). Уходите.

ОФИЦИАНТ. Брось, старичок...

ЗИЛОВ. Убирайтесь.

Саяпин пятится к двери. Кузаков остается на месте. Он стоит перед Зиловым. За ним ближе к двери стоит официант.

(Кузакову). Уходи.

КУЗАКОВ. Не уйду. Я сказал тебе, что не уйду, пока...

ЗИЛОВ. Уходи.

КУЗАКОВ. Не уйду.

ЗИЛОВ. Я буду стрелять. (Направляет стволы на Кузакова.)

КУЗАКОВ. Стреляй.

ОФИЦИАНТ. Ружье заряжено.

ЗИЛОВ. Вот и прекрасно.

Саяпин исчезает.

ОФИЦИАНТ. Давай-ка. (Хватает Кузакова, выталкивает его за дверь.) Так будет лучше... А теперь опусти ружье.

ЗИЛОВ. И ты убирайся.

Мгновение они смотрят друг другу в глаза. Официант отступает к двери.

Живо.

Официант задержал появившегося в дверях Кузакова и исчез вместе с ним.

Зилов некоторое время стоит неподвижно. Затем медленно опускает вниз правую руку с ружьем.

С ружьем в руках идет по комнате. Подходит к постели и бросается на нее ничком. Вздрагивает. Еще раз. Вздрагивает чаще. Плачет он или смеется, понять невозможно, но его тело долго содрогается так, как это бывает при сильном смехе или плаче. Так проходит четверть минуты. Потом он лежит неподвижно.

К этому времени дождь за окном прошел, синеет полоска неба, и крыша соседнего дома освещена неярким предвечерним солнцем.

Раздается телефонный звонок. Он лежит неподвижно. Долго звонит телефон.

Он лежит неподвижно. Звонки прекращаются.

Звонки возобновляются. Он лежит не шевелясь. Звонки прекращаются.

Он поднимается, и мы видим его спокойное лицо. Плакал он или смеялся – по его лицу мы так и не поймем. Он взял трубку, набрал номер. Говорит ровным, деловым, несколько даже приподнятым тоном.

ЗИЛОВ. Дима?... Это Зилов... Да... Извини, старик, я погорячился... Да, все прошло... Совершенно спокоен... Да, хочу на охоту... Выезжаешь?... Прекрасно... Я готов... Да, сейчас выхожу.

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Пьеса закончена в 1968 г. Впервые опубликована в альманахе "Ангара" (1970, эб). Признана вершиной творчества драматурга и одной из лучших пьес мирового репертуара. В то же время, или, быть может, именно поэтому, "Утиная охота" вызвала так много споров и толкований, что родилось понятие "загадка Вампилова". Более, чем к другим вампиловским пьесам, к этой была пристрастна цензура.

Писатель Ефим Дорош, член редколлегии "Нового мира" времен А.Т. Твардовского, сообщал Вампилову об участии его пьесы в журнале: "Дорогой Саша! Меня не было в Москве, почему отвечаю Вам с таким опозданием. Лакшин пьесу прочитал, он того же мнения о ней, что и мы с Берзер, однако если мы считаем, что ее следует печатать, то он стоит на том, что "Новый мир"-де пьес не печатает. Впрочем, пьесу он мне не вернул, но отдал ее другому заместителю – Кондратовичу, этот, конечно, будет читать долго, вернее, держать ее у себя, поскольку это пьеса, т.е. нечто нашему журналу чуждое. Правда, я буду его поторапливать. Надежд у меня совсем мало, была бы это проза, я бы дал Твардовскому, а пьесу, боюсь, он не одобрит. Впрочем, подожду, что скажет Кондратович. Если у Вас возьмут "Сибирские огни" и Вам нужен мой отзыв, напишите, я сразу вышлю...".

Публикация в "Новом мире" не состоялась.

Писатель Марк Сергеев, в то время главный редактор альманаха "Ангара", вспоминает драматическую историю, связанную с первой публикацией пьесы:

"Наша советская цензура долгие годы делала вид, будто ее не существует: рукописи не читала, но активно вмешивалась на стадии корректуры. Этим обстоятельством мы и воспользовались. "Утиная охота" была заслана в набор без привязки к какому-либо номеру – в запас (есть такой термин). Когда набор был готов, случилось везение, которое бывает лишь раз в жизни: главный цензор уехал в отпуск. Мы тут же поставили пьесу в номер. Волновались ужасно! Пропустят – не пропустят. Решили подстраховаться, но времени почти не оставалось. За ночь я написал предисловие.

"Утиная охота" была напечатана (эб за 1970 г.) и ушла в жизнь.

Неприятности начались сразу и вовсе не от тех людей, от которых этого можно было ожидать. Вернулся главный цензор, поздоровевшийся, более, чем всегда, благодушный. Остановил меня на улице и сказал:

– Дело, конечно, сделано. Но вам с Вампиловым эту пьесу еще припомнят.

Так оно и случилось. Главный герой "Утиной охоты" Зилов и вся мужская часть его компании, кроме официанта Димы, трудятся в некоем Бюро технической информации. Надо же было такому случиться, что в Иркутске в то время было всего лишь одно такое бюро, точно с таким же названием. И сотрудники этой замечательной организации <...> закипели благородным возмущением, налились гневом и, дабы все знали, что они не Зиловы, не саяпины, не кушаки, нашли самый верный способ доказать, что они ангелы (не те, что нарисованы

Вампиловым в другой пьесе). Лучшим средством обороны, как известно, является донос.

<...> Письмо возмущенных сотрудников Бюро технической информации было передано в обком, там заинтересовались этой отнюдь не технической информацией. Меня, как редактора альманаха и автора предисловия, пригласил Антипин (тогдашний третий секретарь Иркутского обкома КПСС. – Т.Г.). Он дал мне прочитать донос, потом мы поговорили.

<...> может быть, Антипину не хотелось раздувать дело, ведь это как бумеранг, разносишь других, а попадет самому – недосмотрел. Мы посмеялись. Жалобщикам было отвечено, что Вампилов не имел в виду Иркутск и, конкретно, тех людей, которые приняли пьесу на свой счет. Но <...> ангелы из Бюро технической информации послали донос повыше – аж в ЦК КПСС!

И на наше отчетно-выборное писательское собрание, его срок как раз приспел, явился гость из отдела культуры ЦК КПСС. Стало ясно, что противники "Утиной охоты" воспользуются этим. Однако разгрома не получилось – собрание встало на защиту Вампилова" (Звезда. 1997. э 8. С. 328).

Даже после смерти Вампилова его пьеса вызывала неприятие у тех, от кого зависела ее дальнейшая судьба. Марк Сергеев в своих воспоминаниях рассказывает и о подготовке к изданию первого однотомника произведений Вампилова:

"В октябре 1972 года однотомник был передан мною в Восточно-Сибирское издательство. Месяца через два или три меня вызвал к себе директор издательства и сказал: "Можно издать, но без "Утиной охоты"".

Я понял, что невидимкой стоит за его спиной иркутская цензура. И принял неожиданное решение: забрал рукопись, написал бумагу директору издательства "Искусство" Тараканову. Причем, зная манеру цензуры, я подумал о том, что нужно обязательно послать неугодную пьесу "Утиная охота" в расклейке, чтобы издатели обратили внимание, что пьеса УЖЕ ВИДЕЛА СВЕТА.

Прошло какое-то время, и мне позвонил наш главный цензор – Николай Григорьевич Козыдло:

– Марк Давидович, скажи: как получилось, что в альманахе "Ангара" была напечатана "Утиная охота"? Я что-то не припоминаю, когда давал разрешение на печать.

"Еще бы! – подумал я. – Вы и не можете этого помнить". Однако сказал:

– Есть причина для этого звонка?

– Да. Понимаешь, московская цензура остановила корректуру книги Вампилова, удивилась, что эта вещь опубликована, и позвонили...

Я лихорадочно думал, как спасти положение? Если рассказать Николаю Григорьевичу правду – пьеса спорит. И тут, как часто бывает в экстремальной ситуации, память мне подбросила один давний эпизод. Возникла однажды подобная сложность: иркутская цензура задержала повесть Валентина Распутина "Деньги для Марии", тоже в корректуре альманаха "Ангара". На завтра я отправился в обком.

... Кончилось тем, что Антипин попросил свою секретаршу связать его с Н.Г. Козыдло, и разговор вышел такой:

Козыдло: Слушаю вас, Евстафий Никитич.

Антипин: Мы вот тут сидим с Марком Давидовичем и рассуждаем о повести Валентина Распутина "Деньги для Марии". У нас с Марком Давидовичем проблем нет! – И положил трубку.

Уже через час корректура альманаха была возвращена в издательство с соответствующим штампом цензуры, и "Ангара" с повестью вышла в свет.

... я решил блефовать.

– Вы помните, Николай Григорьевич, такой случай. Вам позвонил Евстафий Никитич и сказал: "Вот мы тут с Марком Давидовичем рассуждаем о пьесе "Утиная охота", и у нас с Марком Давидовичем никаких проблем нет!"

– Помню, помню! – воскликнул Николай Григорьевич. И сообщил в Москву, что "Утиная охота" опубликована с благословения обкома.

Надо сказать, что чиновники различных московских структур побаивались

вступать в конфликт с местными обкомами, ведь секретари большинства из них были членами ЦК.

Однотомник с крамольной пьесой был подписан к печати" (речь идет об "Избранном" А. Вампилова, вышедшем в изд-ве "Искусство" в 1975 г. - Т.Г.).

В 1976 г. на совещании в Союзе писателей по поводу современного состояния драматургии тогдашний начальник Управления театров Министерства культуры СССР Г.А. Иванов так отозвался о лучшей пьесе Вампилова: "В Семипалатинске пьесу поставили и сняли. Когда нам два часа показывают законченного подонка, когда он измывается садистически, то выдержать это зритель отказывается, потому это произведение останется только литературным произведением... И только" (из архива участницы совещания, тогда заведующей литературной частью театра "Современник" Е.И. Котовой).

Впервые "Утиная охота" увидела свет рампы в молдавском театре "Лучаферул" в 1976 г. (поставил спектакль В. Апостол). Спектакль шел на молдавском языке. По-русски герои Вампилова впервые заговорили на сцене Рижского театра русской драмы (режиссер А. Кац; 1976 г.). К пьесе обращались многие очень крупные театральные мастера. В Москве в 1979 г. поставили спектакли В. Андреев (в Театре им. М.Н. Ермоловой) и О. Ефремов (во МХАТе), собирался ставить Ю. Любимов (идея осталась неосуществленной). В 1979 г. по пьесе был поставлен фильм "Отпуск в сентябре" (режиссер В. Мельников, "Ленфильм"; премьера фильма состоялась летом 1987 г.). Роль Зилова сыграл О. Даль.

В раннем варианте пьесы сцена прощания Зилова (здесь он - Рябов) и Галины и встречи с Ириной строилась иначе: "Солнечное летнее утро. Перрон. Рябов и Галина. В стороне сидит человек в черных очках. Рядом с ним на скамейке лежит гитара.

ГАЛИНА. Ну вот... Спасибо, что проводил.

РЯБОВ. Место внизу освободится в Красноярске. Не прозевай.

Молчание.

Смотри, как печет. А что будет днем?... Будет дождь. Должен быть.

ГАЛИНА. Ни какого дождя не будет.

РЯБОВ. Почему ты так думаешь?

ГАЛИНА. Твои прогнозы никогда не оправдывались.

РЯБОВ. Ты права. Ничего нельзя знать заранее.

Молчание.

ГАЛИНА. Ну вот... Нам уже нечего сказать. Мы уже все сказали. Так?

РЯБОВ. Да. За десять лет мы даже наговорили друг другу лишнего.

ГАЛИНА. И все-таки. Ведь это как-никак - навсегда. Мог бы что-нибудь сказать.

РЯБОВ. Желаю тебе всего хорошего.

ГАЛИНА. Спасибо... Наверное, такие дела делаются вечером, на закате. Как ты думаешь?

РЯБОВ. Не знаю. Поезда ходят утром и вечером.

Молчание.

ГАЛИНА. Если позвонит мама - ничего ей не говори. Я им напишу.

РЯБОВ. Хорошо. Ты подала ему телеграмму?

ГАЛИНА. Да. Вчера.

Молчание.

Ну вот... Вроде бы все...

РЯБОВ. Да, все. Разводом займемся в сентябре, ничего?

ГАЛИНА. Хорошо. Детей у нас нет. Нас разведут заочно.
РЯБОВ. Да. Сейчас это просто.

Молчание.

ГОЛОС ДИКТОРА. Внимание! До отхода поезда номер сорок один остается две минуты. Пассажиры, займите свои места, а провожающие выйдите из вагонов.

ГАЛИНА. Ну вот и все.

ГОЛОС ДИКТОРА. Повторяю, до отхода поезда сорок один осталось две минуты.

Галина делает к Рябову шаг и они обнимаются.

ГАЛИНА. Прощай. (Плачет.)

РЯБОВ. Напиши мне. Что и как - напиши...

ГАЛИНА. Не забывай меня.

РЯБОВ. Да.

Галина быстро уходит. Рябов один. Шум уходящего поезда. Он идет по перрону, останавливается, смотрит на часы. Возвращается, подходит к скамейке.

СЛЕПОЙ. Товарищ! Который час?

РЯБОВ. Двадцать минут десятого.

СЛЕПОЙ. Благодарю. Не найдется ли папироски?

РЯБОВ. Возьмите.

СЛЕПОЙ. Вот благодарю. (Закуривает, потом играет на гитаре.)

Молчание.

Слепой играет плясовую, подпевает невнятно.

РЯБОВ. Послушайте, спойте что-нибудь.

СЛЕПОЙ. Сейчас?... Рабочий день еще не начался. Придет электричка, вот тогда...

РЯБОВ. Спойте. Я заплачу. (Дает ему деньги.)

СЛЕПОЙ. Вам - что? Веселое, грустное, старинное или что-нибудь блатное?

РЯБОВ. Не знаю. Все равно.

Слепой перебирает струны, затем поет.

СЛЕПОЙ. Любовь моя и радость,

Зачем ты не со мной

Тюремная ограда

И сумрак гробовой.

РЯБОВ. Простите. Что-нибудь другое, если можно.

СЛЕПОЙ. Можно другое... (Берет пару аккордов, поет.)

Всю ночь кричали петухи

И шеями мотали.... Подходит?

РЯБОВ. Извините, это совсем не подходит. Давайте-ка старинное.

СЛЕПОЙ. Старинное... Старинное... (Поет.)

Все васильки, васильки...

РЯБОВ. Э, куда хватил... Ну ничего, ничего. Продолжайте.

СЛЕПОЙ (поет).

Все васильки, васильки,

Много мелькает их в поле,

Помню у самой реки

Я собирал их для Оли.

Низко головку наклонит,

Милый, смотри, василек

Твой поплывет, мой утонет...

ГОЛОС ДИКТОРА. Внимание.

Слепой играет.

На первый путь прибывает пассажирский поезд номер десять. Поезд следует Москва-Хабаровск. Повторяю. На первый путь прибывает пассажирский поезд номер десять.

СЛЕПОЙ (поет).

Все васильки, васильки,
Много мелькает их в поле,
Помню, у самой реки
Я собирал их для Оли.

РЯБОВ. Да... Грустная история. Спасибо. (Поднимается.) Всего хорошего.

Слепой ему кивает.

Рябов уходит. Шум прибывающего поезда.

Слепой продолжает наигрывать "Васильки". Через некоторое время появляются Рябов и Ирина. В руках у Рябова ее чемодан.

ИРИНА. Минутку. (Останавливается у скамейки, снимает кофту, остается в легком платье.) Открой, пожалуйста, чемодан.

Рябов поставил чемодан на скамейку, открыл его. Ирина сунула в чемодан кофту.

Ну-с? Зачем ты меня вызвал? Что случилось?

РЯБОВ. Что случилось? Захотел тебя увидеть. Вот и вызвал. Ты недовольна?

ИРИНА. Я довольна. А моя сестра? Где она?

РЯБОВ. Она уехала.

ИРИНА. Куда?

РЯБОВ. В Харьков.

ИРИНА. В Харьков?... Значит...

РЯБОВ. Да, она уехала к нему. К тому самому.

ИРИНА. Значит... в самом деле?

РЯБОВ. Да. Она выходит замуж.

СЛЕПОЙ (поднимается). Товарищ! Нет ли папироски?

РЯБОВ. Пожалуйста.

СЛЕПОЙ. Вот благодарю. (Уходит.)

ИРИНА. Когда она уехала?

РЯБОВ. Пятнадцать минут назад.

ИРИНА (не сразу). Ты ее провожал?

РЯБОВ. Ну конечно... А чему ты удивляешься. Мы помирились. Мы расстались друзьями.

ИРИНА. Представляю.

РЯБОВ. Ты устала?

ИРИНА (не сразу). Нет. Я отлично выпалась.

РЯБОВ. Тогда, знаешь, мы сдадим чемодан и махнем куда-нибудь, а? В такую-то погоду - домой? Безумие, верно?..

ИРИНА (рассеянно). Да... Хороший денек...

РЯБОВ. Последний летний день. Махнем за город, а? (Берет чемодан.) Идем. Подальше от этого пекла, в лес, к воде. Живей.

Уходят.

За городом. Большую часть сцены занимает внутренность недостроенного дома. Три стены, два оконных проема - прямо и справа - выходят в лес, слева

проем дверной. Справа на переднем плане – несколько досок, уложенных одна на другую. За окном внезапно, на глазах, темнеет, слышится шум деревьев. Это ветер. Появляются Рябов и Ирина.

РЯБОВ. Поздравляю... мы успели...

ИРИНА (запыхавшись). Умираю... (Проходит.) Сердце выпрыгнет... вот-вот... (усаживается на доски) сейчас умру...

РЯБОВ. Быстро ты выдохлась. Не стыдно в таком возрасте?

ИРИНА Не-е, не стыдно. Ты тоже еле дышишь.

РЯБОВ. Мне простительно. Мне сто лет.

ИРИНА (у окна). О, как потемнело... А вот на горе, смотри, там еще солнце... Уходит... уходит... уходит... Все. Ушло.

РЯБОВ. Я был уверен, что будет дождь. Так это не могло кончиться.

ИРИНА (выглянула в двери). А здесь?... Черным-черно. Сплошь.

РЯБОВ. Сейчас врежет.

ИРИНА. Три-четыре... Ну!.. Еще раз: три-четыре... нет, не хочет.

Дождь стучит по крыше.

Пошел!

РЯБОВ (усаживается на доски). Ну вот... Теперь уже легче... Садись, дыши кислородом.

ИРИНА. А он надолго?

РЯБОВ. Не думаю. Это ливень. Он долго не продержится.

ИРИНА. А если он никогда не кончится?

РЯБОВ. Так не бывает. Никогда еще не было... Впрочем, однажды дождь лил сорок дней. Был такой случай...

ИРИНА. Когда?

РЯБОВ. Давненько... Да, это было неплохое мероприятие. Все затопило водой, все, к чертовой матери. Весь мир. Спаслась только одна семейка... Разве ты никогда об этом не слышала?

ИРИНА. О чем?

РЯБОВ. О потопе.

ИРИНА. Ах, об этом. Да, я знаю: Ноев ковчег, гора Арарат и что там еще?

РЯБОВ. Все. Потоп, ковчег и Арарат. Все для того, чтобы начинать сначала. Ты знаешь, мне это подходит. (Поднялся, подошел к окну.) Пусть льет сорок дней. Я не против.

В настоящем издании восстановлена изъятая цензурой часть сцены третьего акта: после слов Кушака: "...крабы теперь большая редкость" до ремарки: "Появляется Ирина". По свидетельству вдовы писателя О.М. Вампиловой, после выхода "Ангары" с "Утиной охотой" А. Вампилов вписывал от руки этот диалог в многочисленные номера альманаха, чтобы сохранить полный вариант пьесы.

Т. Глазкова